BJ
1674
.P417
1857

Class _____

Book _____

YUDIN COLLECTION

15336
2

ОБЪ ОБЯЗАННОСТЯХЪ ЧЕЛОВѢКА,

НАСТАВЛЕНІЕ ЮНОШѢ.

СОЧИНЕНІЕ

Pellico

СИЛЬВІО ПЕЛЛИКО.

ПЕРЕВЕЛЪ СЪ ИТАЛЬЯНСКАГО

ЕВ. СЕРЧЕВСКІЙ.

ИЗДАНІЕ ТРЕТЬЕ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
ВЪ ТИПОГРАФІИ АПОЛЛОНА ФРИДРИХСОНА.
1857.

ОБЪ
ОБЯЗАННОСТЯХЪ
ЧЕЛОВѢКА.

Pellico, Silvio

ОБЪ
ОБЯЗАННОСТЯХЪ
ЧЕЛОВѢКА,
НАСТАВЛЕНІЕ ЮНОШѢ.

СОЧИНЕНІЕ

СИЛЬВІО ПЕЛЛИКО.

ПЕРЕВЕЛЪ СЪ ИТАЛЬЯНСКАГО

ЕВ. СЕРЧЕВСКІЙ.

ИЗДАНІЕ ТРЕТЬЕ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
ВЪ ТИПОГРАФІИ АПОЛЛОНА ФРИДРИХСОНА.
1857.

BJ1674
.P417
1857

104837
,07

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. С. Петербургъ. 28 Апрѣля. 1857 года.

Цензоръ *Д. Мацкевичъ.*

В. И. Клочковъ
С.Петербургъ
Литейн. пр. 55.
Книгопродавецъ-Антикварій

A. O. Abrel 17,12

Это сочиненіе было напечатано мною только для одного лица; но я рѣшаюсь издать мою книжку въ надеждѣ, что она принесетъ нѣкоторую пользу и всякому юношѣ.

Я не имѣлъ намѣренія писать ученую дисертацію, и читатель не найдетъ здѣсь глубокихъ изысканій о существѣ обязанностей. Да и мнѣ кажется, что обязанность каждаго быть добрымъ и благочестивымъ не нуждается въ остроумныхъ доказательствахъ. Кто не найдетъ этихъ убѣжденій въ своей совѣсти, тотъ ихъ не отыщетъ и въ книгахъ. Я хотѣлъ просто исчислить обязанности всякаго человѣка на поприщѣ жизни, ста-

рался возбудить въ немъ охоту прилежно изучить ихъ, и исполнять съ великодушною твердостію.

Я старался избѣгать всякихъ украшеній слога и мыслей, полагая, что чѣмъ проще писать о подобномъ предметѣ — тѣмъ лучше.

Юные мои соотечественники! Вамъ посвящаю я сей малый трудъ! Да внушитъ онъ вамъ бодрость въ стремленіи къ добру, укажетъ истинный путь къ счастію! Вотъ мое живѣйшее желаніе.

—

ГЛАВА I.

ВАЖНОСТЬ И ПОЛЬЗА ОБЯЗАННОСТЕЙ.

Человѣкъ не можетъ не думать о своихъ обязанностяхъ, не можетъ не признать всей ихъ важности. Онѣ неразрывно связаны съ самымъ нашимъ существованіемъ; едва начинаетъ дѣйствовать въ насъ разсудокъ, какъ уже совѣсть говоритъ намъ объ обязанностяхъ; голосъ ея становится часъ отъ часу явственнѣе, по мѣрѣ развитія разсудка, и притомъ тѣмъ болѣе, чѣмъ сильнѣе та-

кое развитіе въ каждомъ человѣкѣ. Все, что совершается *внѣ насъ*, напоминаетъ намъ о томъ же, потому что вся природа управляется однимъ закономъ во вѣки ненарушимой гармоніи, все на землѣ имѣетъ свое предназначеніе и, исполняя его, свидѣтельствуетъ о Премудрости Того, Кто есть начало и конецъ всѣхъ вещей.

Человѣкъ имѣетъ также свою природу, свое предназначеніе. Онъ обязанъ быть тѣмъ, чѣмъ ему опредѣлено быть, или долженъ отказаться навсегда отъ уваженія людей, даже отъ собственнаго, оставить надежду на счастіе. Онъ созданъ, дабы стремиться постоянно къ благополучію, достигнуть его, и доказать собою, что истиннаго благополучія можно достигнуть только путемъ добродѣтели, т. е. исполняя все то, чего

требуетъ его собственное благо, въ согласіи съ порядкомъ вселенной и съ волею Провидѣнія.

Правда, посреди волненія страстей, мы иногда готовы видѣть наше благо въ томъ, что противно благу другихъ и нарушаетъ общій порядокъ; но намъ не удается никогда убѣдить себя въ томъ совершенно, и совѣсть твердитъ намъ безпрестанно: ты не правъ. Но пусть только утихнутъ страсти — и тогда мы почувствуемъ отвращеніе ко всему, что вредитъ другимъ, или противорѣчитъ всеобщему порядку.

Исполненіе обязанностей такъ необходимо для благополучія, что даже болѣзни и смерть, по видимому, самыя чувствительныя для насъ бѣдствія, становятся восхитительнымъ ощущеніемъ въ душѣ человѣка, который страждетъ

и умираетъ, подвизаясь для блага ближняго, или покоряясь благимъ уставамъ Всевышняго.

Слѣдовательно, признавая, что человѣкъ долженъ исполнить свое предназначеніе, мы вмѣстѣ опредѣляемъ, въ чемъ состоятъ его *обязанности* и въ чемъ *благополучіе*. Св. Писаніе божественно выражаетъ эту истину, говоря, что человѣкъ сотворенъ *по образу и подобію Божію*. Такъ, и долгъ и благо человѣка требуютъ, чтобы онъ постоянно уподоблялся Богу, чтобы не имѣлъ ничего инаго въ предметѣ; былъ благъ, потому что Самъ Богъ безконечно благъ и предначерталъ ему стремиться ко всему благому, чтобы соединиться съ Нимъ во едино.

—

ГЛАВА II.

ЛЮБОВЬ КЪ ИСТИНѢ.

Наша первая обязанность — любить истину и вѣровать въ нее.

Истина есть Самъ Богъ. Любить Бога, любить истину — одно и тоже.

О, другъ мой! Дай душѣ своей силу желать истины и не ослѣпляться ложнымъ краснорѣчіемъ тѣхъ неистовыхъ и печальныхъ лжеучителей, которые стараются все подвергнуть убійственному сомнѣнію.

Разумъ, самъ по себѣ, ни къ чему не ведетъ; онъ бываетъ даже вреденъ, когда служитъ орудіемъ противъ истины, средствомъ къ ея униженію, или подпорой жалкихъ гипотезъ; когда изъ бѣдствій, коими жизнь исполнена, онъ дѣлаетъ горькіе выводы, отрицая будто самая жизнь не есть благо; когда, исчисляя нѣкоторые частные безпорядки въ природѣ, не хочетъ признать въ ней всеобщаго порядка; когда, пораженный осязательностію и тлѣнностію тѣлъ, упрямо отвергаетъ существованіе безсмертнаго, безтѣлеснаго *я;* когда считаетъ мечтою всякое различіе между порокомъ и добродѣтелію, хочетъ упорно видѣть въ человѣкѣ одну животную природу, и не признаетъ въ немъ ничего, что бы происходило отъ Бога.

Если человѣкъ и природа заслужива-

ютъ такую ненависть и презрѣніе, зачѣмъ терять время въ умствованіяхъ? Лучше умертвить себя; по крайней мѣрѣ, разумъ не можетъ подать лучшаго совѣта.

Но, если совѣсть велитъ намъ жить (ибо примѣръ немногихъ разстроенныхъ головъ ничего не доказываетъ), если вся наша жизнь проходитъ въ поискахъ счастія, если мы чувствуемъ, что оно состоитъ не въ томъ, чтобъ унижать себя и пресмыкаться съ гадами земли, но въ томъ напротивъ, чтобы исправляться и возвышаться къ Божеству, — то очевидно, что истинное назначеніе ума есть представлять человѣку высокое понятіе о достоинствѣ, котораго онъ можетъ достигнуть и побуждать его къ такому подвигу.

Согласившись въ этомъ, съ твердостію отринемъ скептицизмъ, цинизмъ и

всѣ тѣ изъ философскихъ системъ, которыя унижаютъ человѣка. Поставимъ себѣ обязанностію вѣрить въ одно истинное, въ одно прекрасное, въ одно доброе. Но, чтобы вѣрить, нужно желать вѣрить, нужно сильно любить истину!

Одна эта любовь можетъ дать крѣпость душѣ нашей; погружаясь въ сомнѣнія, мы только ослабимъ ее.

Къ этой вѣрѣ во всѣ высокія истины, присовокупи твердую волю — быть всегда живымъ выраженіемъ истины во всѣхъ твоихъ рѣчахъ и поступкахъ.

Совѣсть человѣка находитъ успокоеніе въ одной истинѣ; лжецъ, хотя бы ложь его и осталась тайною, носитъ свою казнь въ самомъ себѣ: онъ чувствуетъ, что измѣнилъ своему долгу и унизился.

Чтобъ избѣжать гнусной привычки лгать, есть одно средство—рѣшиться не

лгать никогда. Если преступишь разъ это правила, ничего не помѣшаетъ тебѣ солгать въ другой, въ десятый разъ, и лгать потомъ всегда. И вотъ какимъ образомъ столько людей получаютъ непримѣтно ужасную склонность къ преувеличенію, притворству, и даже клеветѣ.

Самыя развращенныя эпохи гражданскихъ обществъ суть тѣ, въ которыхъ люди наиболѣе лгутъ. Тогда возникаетъ недовѣрчивость между всѣми, даже между родителями и дѣтьми; тогда расточаются увѣренія, клятвы, и за ними слѣдуютъ измѣны; тогда, отъ разногласія мнѣній политическихъ, религіозныхъ или только литературныхъ, рождается въ людяхъ неусыпная охота приписывать противникамъ обидные поступки и намѣренія; тогда поселяется во всѣхъ

увѣренность, что всѣ средства позволительны, когда нужно очернить врага: отсюда рождаются: и то усиліе, съ которымъ мы пріискиваемъ свидѣтельства противъ него, и то стараніе, съ которымъ поддерживаемъ, преувеличиваемъ доказательства, очевидно неосновательныя или ложныя, увѣряя себя и другихъ въ ихъ основательности. Тѣ, коихъ сердце не искренно, всегда видятъ притворство въ другихъ. Заговорилъ-ли человѣкъ, который имъ не нравится — они во всѣхъ словахъ его видятъ дурное намѣреніе: молится-ли онъ, подаетъ-ли милостыню — они спѣшатъ благодарить Бога за то, что Онъ не сотворилъ ихъ такими лицемѣрами, какъ этотъ человѣкъ.

Хотя ты рожденъ въ вѣкѣ, исполненномъ лжи и крайней недовѣрчивости,

пребудь равно чуждъ сихъ двухъ пороковъ; питай великодушную вѣру въ искренность другихъ, и когда не станутъ вѣрить твоей собственной, то не сердись: будь доволенъ тѣмъ, что она возблеститъ «Предъ очами Того, Кто все видитъ.»

═

ГЛАВА III.

РЕЛИГІЯ.

Признавъ за несомнѣнную истину, что человѣкъ выше скота и что онъ носитъ въ себѣ нѣчто божественное, мы обязаны питать глубокое уваженіе ко всѣмъ чувствамъ, которыя его возвышаютъ; а какъ ничто его столько не возвышаетъ надъ животными какъ стремленіе къ совершенству, къ блаженству, однимъ словомъ къ Богу, не смотря на всѣ недостатки его тѣлесной природы, то нельзя

не исповѣдать достоинство Религіи и необходимости слѣдовать ея уставамъ.

Не ужасайся множества лицемѣровъ, ни насмѣшекъ тѣхъ людей, которые назовутъ тебя лицемѣромъ, видя твою набожность. Безъ твердости духа нельзя достигнуть никакой добродѣтели, нельзя выполнить никакой обязанности; даже истинная набожность не доступна для малодушнаго.

Еще менѣе страшись быть смѣшаннымъ, въ качествѣ христіанина, съ толпою людей обыкновенныхъ, неспособныхъ понимать всей высокости Релегіи. Изъ того, что невѣжественная толпа должа и можетъ исповѣдывать Релегію нельзя выводить слѣдствія, будто Религія — невѣжество. И невѣжда обязанъ быть честнымъ человѣкомъ, — слѣдуетъ ли изъ того, чтобы просвѣщен-

ный человѣкъ могъ стыдиться быть честнымъ?

Ученіе и твой собственный разумъ привели тебя къ убѣжденію, что нѣтъ Религіи чистѣйшей, болѣе чуждой заблужденій, какъ Христіанская. Ни какая другая не способствовала столько успѣхамъ просвѣщенія и распространенію его между людьми, уничтоженію или смягченію рабства; ни какая столь сильно не убѣждаетъ смертныхъ въ братствѣ ихъ, о Богѣ, въ союзѣ ихъ съ Самимъ Богомъ.

Обрати на все это вниманіе, а особенно на основательность историческихъ доказательствъ Вѣры. Онѣ въ состояніи выдержать всякій безпристрастный разборъ.

А дабы не увлечься примѣрами софистовъ, кои возставали противъ истины

тѣхъ доказательствъ, припомни только, разбирая ихъ, сколько великихъ умовъ признавали истину Вѣры, начиная съ могучихъ мыслителей нашего вѣка и восходя до Данте, Св. Ѳомы, Св. Августина и до первыхъ Отцевъ Церкви.

Каждый народъ можетъ представить тебѣ имена знаменитыя, которыми не дерзнетъ пренебречь никакой вольнодумецъ.

Знаменитый Бѐконъ, столь превозносимый эмпириками, былъ далекъ отъ невѣрія своихъ пылкихъ приверженцевъ, и всегда былъ въ душѣ христіаниномъ. Гроцій, сколько ни ошибался въ основаніяхъ, однако былъ христіаниномъ и оставилъ намъ сочиненіе *объ истинѣ Религіи*. Лейбницъ былъ однимъ изъ пламеннѣйшихъ защитниковъ Христіанства. Ньютонъ писалъ *о согласіи Евангелій*,

Локкъ писалъ *о раціональномъ Христіанствѣ*, и Вольта, знаменитый Физикъ, извѣстный своею обширною ученостію, былъ во всю жизнь добродѣтельнѣйшимъ христіаниномъ. Такіе великіе умы и еще множество другихъ, конечно убѣждаютъ насъ, что Христіанская Вѣра согласна съ разсудкомъ, т. е. не съ тѣснымъ, одностороннимъ разсудкомъ, который еще развращенъ чужимъ кощунствомъ и безвѣріемъ, но съ разсудкомъ обширнымъ, обогащеннымъ многообразными познаніями, который разсматриваетъ предметы со всѣхъ возможныхъ сторонъ.

—

ГЛАВА IV.

СВИДѢТЕЛЬСТВА.

Между людьми извѣстными было нѣсколько безвѣрныхъ и такихъ, кои проповѣдывали на счетъ Вѣры мнѣнія, исполненныя несообразностей и заблужденій. Что же вышло изъ этого? Сколько они ни написали проивъ Христіанской Вѣры, но не доказали ничего; даже главные изъ нихъ, въ томъ или другомъ изъ своихъ сочиненій, не могли не отдать справедливости глубокой премудрости той самой Религіи, которую поносили, или которой такъ дурно послѣдовали.

Слѣдующія свидѣтельства разныхъ авторовъ, хотя уже не имѣютъ достоинства новизны, но не потеряли отъ того своей важности, и мы считаемъ полезнымъ ихъ здѣсь привести:

Жанъ-Жакъ Руссо, въ своемъ *Емилѣ*, начерталъ слѣдующія замѣчательныя слова:

«Признаюсь, я пораженъ величіемъ «Св. Писанія: святость Евангелія гово«рить моему сердцу.... Посмотрите, какъ «книги философовъ, со всѣмъ ихъ пыш«нымъ велерѣчіемъ, ничтожны предъ «этою Книгою! Возможно ли, чтобы тво«реніе столь высокое и вмѣстѣ столь «простое было произведеніемъ человѣка? «Возможно ли, чтобы Тотъ, о Комъ она «повѣствуетъ, былъ ничто иное какъ только человѣкъ?....

Тотъ же Руссо въ другомъ мѣстѣ говоритъ.

«Убѣгайте тѣхъ, которые подъ видомъ «истолкованія природы, сѣютъ въ серд«цахъ людей убійственныя ученія.... «Ниспровергая, разрушая, попирая но«гами все, что люди уважаютъ, они у «страждущихъ отнимаютъ послѣднее утѣ«шеніе въ ихъ скорбяхъ, у сильныхъ и «богатыхъ снимаютъ единственную узду «ихъ страстей; они отнимаютъ раскаяніе «у преступленія, надежду у добродѣтели и «еще хвалятся именемъ благодѣтелей че«ловѣчества. Никогда, говорятъ они, исти«на не вредитъ людямъ. Я тоже думаю, «и въ этомъ самомъ вижу доказательство, «что ихъ ученіе не есть истина....»

Монтескье, хотя заслуживаетъ нѣкоторые упреки какъ Христіанинъ, изъявлялъ однако негодованіе противъ

тѣхъ, которые приписывали Христіанской Вѣрѣ злоупотребленія ей чуждыя.

«Бейль (Bayle), говоритъ онъ, нару-«гавшись надъ всѣми вѣрами, поноситъ «и Христіанскую. Онъ дерзаетъ утверж-«дать, что истинные христіане никогда «не составили бы Государства долго-«вѣчнаго. А почему нѣтъ? Они были бы «граждане съ самыми свѣтлыми поня-«тіями о своихъ обязанностяхъ, и стали «бы исполнять ихъ ревностно. Они твер-«до знали бы природное свое право са-«мосохраненія; чѣмъ болѣе они считали «бы себя обязанными Религіи, тѣмъ бо-«лѣе чувствовали бы признательности къ «отечеству.... Достойно удивленія, что «Христіанская Вѣра, которая, по види-«мому, имѣетъ предметомъ одно бла-«женство жизни будущей, дѣлаетъ насъ

«счастливыми и въ настоящей жизни!» (Esprit des lois, l. III, ch. VI.).

Потомъ ниже:

«Недобросовѣстно поступаютъ тѣ, кои «унижаютъ религію, исчисляя однѣ бѣд-«ствія, появившіяся вмѣстѣ съ Хри-«стіанскою Вѣрою, умалчиваютъ о ея «благодѣяніяхъ... Если бы кто хотѣлъ «пересказать все зло, сдѣланное міру «гражданскими законами и разными фор-«мами правленій, онъ могъ бы наговорить много ужаснаго. Вспомнимъ только безпрестанныя кровопролитія при «царяхъ и полководцахъ Греческихъ и «Римскихъ; разоренные ими города и «истребленные народы; насильства Ти-«мура и Чингизъ-Хана, опустошившихъ «Азію, и мы увидимъ, что Христіан-«ская Вѣра дала намъ въ гражданскомъ «быту—публичное право, а въ войнѣ—

«нѣкоторыя начала народнаго права, за «которыя родъ человѣческій обязанъ ей «безконечною благодарностію.» (ibid. l. XXIV. c. II, III.)

Великій Байронъ, изумительный геній, къ сожалѣнію поклонявшійся то добродѣтели, то пороку, но всегда мучимый неутолимою жаждою добродѣтели и истины, изъявлялъ благоговѣніе, внушенное ему невольно Христіанскимъ Ученіемъ. Онъ даже хотѣлъ, чтобы дочь его была воспитана въ Католическомъ Законѣ, и всѣмъ извѣстно письмо, въ которомъ онъ говоритъ о семъ рѣшительномъ намѣреніи и объясняетъ его тѣмъ, что ни одна Церковь не поразила его столь свѣтлыми лучами истины *

* Вспомнимъ, что здѣсь говоритъ Римскій Католикъ.

—

ГЛАВА V.

НѢКОТОРЫЕ СОВѢТЫ.

Сообразивъ подобныя заключенія и всѣ многочисленные доводы, свидѣтельствующіе въ пользу Христіанской Вѣры, тверди себѣ безпрестанно съ непоколебимою рѣшимостію:

— Буду непреклоненъ ко всѣмъ обманчивымъ и ничего не доказывающимъ возраженіямъ, которыми силятся опровергнуть мою Вѣру. Я не вѣрю мнѣнію, будто Христіанская Вѣра противна успѣ-

чувствуютъ, что никакое философское ученіе не заключаетъ въ себѣ столько истинной философіи, не вооружается сильнѣе противъ неправды, не заботится болѣе о благополучіи человѣка, и при всемъ томъ, люди сіи жалко увлекаются потокомъ чужихъ мнѣній и думаютъ, будто Христіанкая Вѣра годится только для необразованнаго класса и вовсе не нужна для людей просвѣщенныхъ. Эти люди виновнѣе предъ Богомъ, нежели самые невѣрующіе, а ихъ, къ несчастію, очень много.

Я самъ принадлежалъ къ числу ихъ, и потому знаю, какихъ усилій стоитъ, чтобы выйти изъ этого состоянія. Если ты по несчастію въ него впадешъ, рѣшись на это усиліе. Не бойся насмѣшекъ, когда тебѣ должно будетъ исповѣдывать высокое чувство, а

какое чувство возвышеннѣе любви къ Богу.

Когда же обратишься отъ ложныхъ ученій или равнодушія, къ искреннему исповѣданію Вѣры, то берегись явить противникамъ религіи соблазнительный примѣръ смѣшнаго пустосвятства, или мелочнаго ригоризма. Смиряйся предъ Богомъ и людьми, но не унижай своего человѣческаго достоинства и не забывай здраваго разсудка. Только духъ гордости и ненависти можетъ вооружаться противъ Евангелія.

—

ГЛАВА VI.

ЧЕЛОВѢКОЛЮБІЕ ИЛИ МИЛОСЕРДІЕ.

Только согрѣтый Вѣрою человѣкъ чувствуетъ потребность дѣятельнаго человѣколюбія и милосердія.

Слово *милосердіе* имѣетъ божественное значеніе, но есть что-то святое и въ словѣ *человѣколюбіе* или *филантропія*, не смотря на то, что многіе софисты его употребляли во зло. Апостолъ принималъ его въ смыслѣ любви ко всему человѣчеству или, что болѣе, онъ выра-

жалъ имъ любовь Бога къ человѣку. Въ посланіи къ Титу, Гл. III, сказано: Ὅτε δὲ ἡ χρηστότης καὶ ἡ φιλανθρωπία ἐπεφάνη τοῦ Σωτῆρος ἡμῶν Θεοῦ... (Егда̀ же благода̀ть и человѣколюбіе явися Спаса на̀шего Бога...).

Всемогущій любитъ человѣковъ и хочетъ, чтобы каждый изъ насъ также ихъ любилъ. Мы уже сказали, что тогда только можемъ быть добрыми, быть довольными собою и уважать самихъ себя, когда станемъ подражать Богу въ сей безпредѣльной любви, молить Его о низпосланіи добродѣтели и счастія нашимъ ближнимъ и сами станемъ творить добро по мѣрѣ силъ нашихъ.

Любовь сія заключаетъ въ себѣ всѣ другія достоинства человѣка и составляетъ главную часть нашей любви къ

Богу, какъ видно изъ многихъ превосходныхъ мѣстъ Священнаго Писанія, и въ особенности слѣдующаго.

«..... Тогда речетъ Царь сущимъ одесную его: пріидите благословѐнніи Отца̀ моего́, наслѣдуйте угото́ванное вамъ Царствіе отъ сложе́нія міра. Взалкахся бо, и да̀сте ми ясти: возжада́хся, и напоисте мя: стра̀ненъ бѣхъ, и введосте менѐ: нагъ, и одѣясте мя: бо́ленъ, и посѣтисте мене́: въ темницѣ бѣхъ, и пріидо́сте ко мнѣ. Тогда̀ отвѣщаютъ ему праведницы, глаголюще: Господи, когда тя видѣхомъ алчуща, и напитахомъ; или жаждуща, и напоихомъ; когда̀ же тя видѣхомъ странна, и введохомъ; или нага, и одѣяхомъ; когда же тя видѣхомъ боляща, или въ темницѣ, и пріидохомъ къ тебѣ. И отвѣщавъ Царь рече имъ: аминь глаголю вамъ, поне-

же сотвористе единому сихъ братій моихъ меньшихъ, мнѣ сотвористе . . . . » (Матѳ. гл. XXV).

Созиждемъ себѣ въ душѣ нашей высокій образецъ человѣка, и станемъ ему уподобляться. Но что я говорю? Религія наша уже предлагаетъ намъ его, и сколь онъ дивно прекрасенъ? Мы видимъ мужа силы и благости, непримиримаго врага притѣсненій и лицемѣрія; человѣколюбца всепрощающаго, все, кромѣ нераскаянной злобы; который можетъ мстить и не хочетъ; который называетъ бѣдныхъ своими братьями, и вмѣстѣ не упрекаетъ счастливцамъ земли въ ихъ счастіи, если только они признаютъ себя братьями несчастныхъ; который цѣнитъ людей не по степени ихъ могущества и образованія, но по чувствамъ ихъ сердца и дѣйствіямъ: вотъ

единственный мудрецъ, въ которомъ не отыщемъ ни малѣйшаго пятна, вотъ полное явленіе Бога въ человѣческомъ образѣ; вотъ Богочеловѣкъ.

Сохраняя въ душѣ нашей подобный образецъ, какъ не уважать человѣчества! Любовь всегда бываетъ соразмѣрна уваженію: чтобы сильно любить человѣчество, должно высоко цѣнить его.

Напротивъ того, кто составилъ себѣ о человѣкѣ понятіе неопредѣленное или ничтожное, унизительное; кому пріятно видѣть въ человѣчествѣ только стадо животныхъ безсмысленныхъ или хитрыхъ, рожденныхъ единственно на то, чтобы питаться, плодиться, суетиться и потомъ обратиться въ прахъ; кто не хочетъ видѣть ничего великаго въ успѣхахъ просвѣщенія, наукъ, искусствъ, законовъ, или въ ненасытномъ стремле-

ніи природы нашей ко всему прекрасному, благому, божественному, — что̀ же возбудитъ въ немъ искреннюю любовь, уваженіе къ ближнему, и желаніе содѣйствовать ему въ достиженіи добродѣтели и наконецъ, готовность жертвовать собою для его счастія.

Чтобы любить человѣчество, нужно умѣть смотрѣть безъ соблазна на его слабости и пороки.

Разсматривая его въ состояніи невѣжества, дивись лучше тому умственному могуществу, которое даетъ ему власть выйти изъ сего состоянія посредствомъ дѣятельнаго употребленія разума. Дивись могуществу этой способности, если, при самомъ невѣжествѣ своемъ человѣкъ можетъ являть въ обществѣ такія высокія добродѣтели, каковы: неустрашимость, милосердіе, благодарность, правосудіе.

Люди, не помышляющіе объ усовершенствованіи себя и нерадѣющіе о добродѣтели, суть только частныя, отдѣльныя лица, а не все человѣчество. Можно-ли ихъ извинить или нѣтъ, и въ какой мѣрѣ, извѣстно одному Богу. Удовольствуемся тѣмъ, что отъ всякаго изъ насъ потребуется отчетъ только въ томъ, что̀ онъ получилъ отъ природы.

—

ГЛАВА VII.

УВАЖЕНІЕ КЪ ДОСТОИНСТВУ ЧЕЛОВѢКА.

Выберемъ изъ среды человѣчества такихъ мужей, въ коихъ отразилось все его нравственное величіе, и примемъ ихъ за образцы нашихъ дѣйствій. Мы не сравнимся съ ними въ славѣ, и не нужно; но мы можемъ сравниться съ ними въ нравственномъ достоинствѣ, воздѣлывая, подобно имъ, всѣ благородныя свойства нашей природы, если мы только не лишены всякихъ способно-

стей, если только при разумѣ, который данъ намъ отъ природы, мы не останемся во всегдашнемъ младенчествѣ.

Когда при видѣ дурнаго въ людяхъ, или при чтеніи дѣлъ постыдныхъ въ Исторіи, въ тебѣ возникнетъ презрѣніе ко всему человѣчеству, тогда поспѣши только припомнить тѣхъ почтенныхъ смертныхъ, коихъ имена сіяютъ въ Исторіи своими добродѣтелями. Раздражительный, но великодушный Байронъ сказывалъ мнѣ, что онъ не находилъ лучшаго средства противъ мизантропіи.—«Въ такомъ случаѣ, говорилъ онъ, «первымъ изъ великихъ людей всегда «предстаетъ мнѣ Моисей, Моисей, воз«двигающій народъ свой изъ уничиже«нія, спасающій его отъ идолослуженія «и рабства, дающій ему законы испол-

«ненные мудрости—дивный завѣтъ свя-
«зующій Вѣру Патріарховъ съ Вѣрою
«позднѣйшихъ, просвѣщеннѣйшихъ вре-
«менъ, съ Евангеліемъ. Примѣръ и
«учрежденія Моисея послужили Госпо-
«ду средствомъ, для образованія въ сво-
«емъ народѣ великихъ мужей государ-
«ственныхъ, доблестныхъ воиновъ, от-
«личныхъ гражданъ, святыхъ ревните-
«лей истины, призванныхъ возвѣстить
«паденіе гордыхъ и лукавыхъ, и гря-
«дущее просвѣщеніе народовъ.

«Когда я такимъ образомъ привожу
«себѣ на память иныхъ великихъ му-
«жей, и прежде всѣхъ моего Моисея,
«я всегда повторяю съ восхищеніемъ
«превосходный стихъ Данте:

Che di vederli, in me stesso m'esalto!

Сколь, при видѣ ихъ, я самъ возвышаюсь!

«и питаю снова уваженіе къ этой пло-

«ти Адама и къ духу, который въ ней «обитаетъ.»

Эти слова великаго поэта Британіи глубоко запали мнѣ въ душу, и признаюсь, что примѣръ Байрона нерѣдко спасалъ меня отъ губительнаго нашествія мизантропіи.

Существованіе великихъ людей всѣхъ вѣковъ блистательно опровергаетъ всякое превратное понятіе о достоинствѣ человѣческой природы. А сколько такихъ знаменитостей насчитаемъ мы въ глубокой древности, сколько въ древности Римской, въ варварскихъ вѣкахъ среднихъ и вѣкахъ новыхъ, образованныхъ! Тамъ мученики истины, здѣсь утѣшители скорби, Отцы Церкви, дивные величіемъ своей философіи и пламенною любовію къ ближнему; вездѣ мужественные воины, поборники прав-

ды, ревнители просвѣщенія, великіе Поэты, Ученые, Художники!

Не думай однако же, очарованный отдаленностію времени и высокими судьбами сихъ мужей, что они какъ бы отличнаго отъ насъ происхожденія. Ни сколько: они столь же мало полубоги, какъ и мы. И ихъ носила женщина въ утробѣ, и они страдали и плакали какъ мы, и они принуждены были бороться съ дурными наклонностями, стыдиться самихъ себя и трудными битвами покупать побѣду надъ собою.

Бытописанія народовъ и другіе памятники, дошедшіе до насъ, представляютъ только малую часть душъ благородныхъ, жившихъ до насъ на землѣ. Между тѣмъ цѣлыя тысячи, не достигая извѣстности, плодами ума своего или благими дѣйствіями ежедневно дѣ-

лаютъ честь имени человѣка, и доказываютъ союзъ, связующій ихъ не только со всѣми людьми великими, но, повторяю еще разъ, съ самимъ Богомъ.

Выставляя превосходство и большинство добрыхъ, мы однако не обманываемъ себя, мы видимъ въ человѣчествѣ не одну привлекательную его сторону, и сознаемся, что число безумныхъ и развратныхъ тоже весьма значительно; но намъ должно понимать только то, что человѣкъ всегда имѣетъ возможность снискать уваженіе благоразуміемъ, можетъ предохранить себя отъ развращенія, можетъ даже во всякое время, какова бы ни была его судьба и степень образованности, украсить себя всякими добродѣтелями, и по этому, отъ него всегда зависитъ пріобрѣсть права

на уваженіе всякаго мыслящаго существа.

Такимъ образомъ, отдавъ ему должное уваженіе; видя, что онъ всегда чувствуетъ влеченіе къ безконечному совершенству; удостовѣрясь, что онъ принадлежитъ къ безсмертному духовному міру гораздо болѣе, нежели ко временной, краткой жизни, въ которой онъ, подобно растеніямъ и животнымъ, подчиненъ законамъ вещества; что онъ способенъ отдѣляться отъ толпы животныхъ и можетъ сказать имъ: «Я выше васъ, выше всѣхъ предметовъ меня окружающихъ!» — наше сердце еще сильнѣе забьется сочувствіемъ къ человѣку. Самыя слабости его и заблужденія будутъ трогать насъ живѣе, когда мы представимъ себѣ все благородство его природы. Намъ будетъ гру-

стно видѣть униженіе владыки творенія. Мы пожелаемъ накинуть завѣсу на его проступки, или простремъ ему руку помощи, чтобы воздвигнуть изъ праха и возвести на ту высокую степень, съ которой онъ низпалъ; мы возрадуемся святою радостію всякій разъ, когда онъ, полный сознанія своего достоинства, будетъ непоколебимъ посреди дѣлъ и уничиженія, вынесетъ самыя тяжкія испытанія, и, превосходною силою воли своей, приблизится къ своему божественному идеалу!

—

ГЛАВА VIII.

ЛЮБОВЬ КЪ ОТЕЧЕСТВУ.

Всѣ чувства, связующія людей между собою и ведущія ихъ къ добродѣтели— благородны. Цинизмъ, всегда готовый противупоставить софизмы всякому возвышенному порыву души, обыкновенно восхваляетъ филантропію, чтобы имѣть право унижать любовь къ отечеству.

Онъ говоритъ: «Мое отечество — весь «міръ; тотъ тѣсный уголъ, въ которомъ

«я родился, не имѣетъ права на мое «предпочтеніе; ибо онъ ничѣмъ не от-«личнѣе другихъ земель, гдѣ человѣкъ «живетъ также хорошо, если не лучше; «и такъ, любовь къ отечеству есть не-«что иное какъ родъ эгоизма, общій «извѣстному числу людей, которымъ «они прикрываются для того только, «чтобы имѣть право ненавидѣть остал-«ное человѣчество.»

Другъ мой, не будь игралищемъ столь недостойной философіи. Ея намѣреніе— унизить человѣка, отрицая въ немъ все доброе, называя мечтою, сумасбродствомъ, даже эгоизмомъ все, что̀ служитъ къ его возвышенію. Набирать пышныя фразы для того, чтобы подавить всякое доброе стремленіе, всякое полезное для общества внушеніе, есть искусство нетрудное, но достойное презрѣнія.

Цинизмъ задерживаетъ въ грязи человѣка: цѣль истинной философіи — извлечь его оттуда. Она всегда согласна съ Вѣрою, и освящаетъ любовь къ отечеству.

Конечно, мы можемъ называть цѣлый міръ своимъ отечествомъ. Всѣ народы суть только отрасли одного и того же обширнаго семейства, которое не можетъ имѣть одного общаго Правителя, потому что разсыпано на огромномъ протяженіи, хотя и имѣетъ одного верховнаго Владыку — Бога. Разсматривая всѣхъ разумныхъ тварей, какъ членовъ одного семейства, мы тѣмъ сильнѣе можемъ любить человѣчество. Но подобный способъ воззрѣнія не исключаетъ и другихъ, не менѣе вѣрныхъ.

Родъ человѣческій состоитъ изъ народовъ. Народъ есть собраніе людей,

которые, будучи связаны общею Вѣрою, уставами, правами, языкомъ, происхожденіемъ, славою, бѣдствіями, надеждами, словомъ всѣми этими стихіями, въ совокупности или порознь, движутся однимъ общимъ сочувствіемъ. Называть же эгоизмомъ такое сочувствіе и согласіе выгодъ между всѣми членами одного народа, то же самое, что въ припадкѣ злобы сатирической, поносить любовь родительскую, видя въ ней какой-то заговоръ между отцемъ и сыномъ.

Будемъ помнить, что всякую истину можно разсматривать съ разныхъ сторонъ; что должно воспитывать всякое доброе чувство, какое бы ни было. Правда, нѣкоторыя чувства, дѣлаясь исключительными, могутъ сдѣлаться вредными? Такъ пусть же не будутъ онѣ исключительными и тогда не будутъ никог-

да вредными. Прекрасно любить весь родъ человѣческій, но это нисколько не мѣшаетъ любить и свою родину; любовь къ отечеству прекрасна, но она не должна уничтожать въ насъ любви ко всему человѣчеству.

Горе несчастному, чье сердце чуждо того святаго влеченія, которое въ безконечныхъ видахъ, при каждомъ случаѣ, побуждаетъ людей дружиться между собою, и оказывать другъ другу уваженіе, помощь и угожденія.

Два Европейца, путешествуя, встрѣчаются въ другой части свѣта. Одинъ, положимъ, родился въ Туринѣ, другой въ Лондонѣ. Оба Европейцы. Это единство названій служитъ началомъ нѣкотораго дружескаго расположенія между ними, смѣю сказать, даже нѣкотораго рода патріотическаго единодушія, и слѣ-

довательно, готовности оказывать другъ другу взаимныя услуги.

Вотъ еще нѣсколько людей неразумѣющихъ другъ друга: они говорятъ на разныхъ языкахъ. Вы не повѣрите, чтобы между ними могла быть общая любовь къ родинѣ; но вы ошибаетесь. Это Швейцарцы: одинъ изъ кантона Италіянскаго, другой изъ Французскаго, третій изъ Нѣмецкаго. Тождества политическихъ узъ, которыя ихъ связываютъ и оберегаютъ, замѣняетъ недостатокъ одного общаго нарѣчія, сближаетъ ихъ, и заставляетъ приносить великодушныя жертвы благу одного отечества, хотя оно не состоитъ изъ одного народа.

Въ Италіи и Германіи вы видите иное явленіе, — людей живущихъ подъ различными законами, и потому образовавшихъ отдѣльные народы, которые часто

принуждены были воевать между собою. Не всѣ они говорятъ, или по крайней мѣрѣ пишутъ на одномъ языкѣ, происходятъ отъ общихъ предковъ, гордятся одною общею литературою, имѣютъ сходные вкусы, одинаковую нужду въ пріязни, снисхожденіи и утѣшеніяхъ. Всѣ эти обстоятельства поселяютъ между ними доброжелательство, и побуждаютъ ихъ къ благородному соревнованію.

Любовь къ отечеству, состоитъ-ли оно изъ обширной страны, или изъ малаго клочка земли, есть равно высокое чувство. Всякій народъ, какъ бы онъ малъ ни былъ, имѣетъ свою особенную славу: государей, которые соразмѣрно его состоянію, болѣе или менѣе его усилили; достопамятныя событія; полезныя учрежденія; важные города; отличительную черту, приносящую честь его характеру;

мужей прославившихся въ браняхъ, или въ правленіи, или въ наукахъ и искусствахъ. Не довольно ли этого, чтобы каждый преимущественно любилъ свою родимую область, родимый городъ, или родимое село.

Но берегись, чтобы любовь къ отечеству, какъ въ самомъ обширномъ, такъ и въ ограниченномъ кругу, не обратилась въ самолюбивую радость, что ты сынъ такой-то именно земли, и не внушила тебѣ ненависти къ другой землѣ, къ другому городу и другому народу. Такой самолюбивый, завистливый и злобный патріотизмъ, не только не добродѣтель, но даже порокъ.

—

ГЛАВА IX.

ИСТИННЫЙ ПАТРІОТЪ.

Чтобы любить отечество истинною, высокою любовью, прежде всего нужно быть гражданиномъ — во славу его, а не на безславье. Осмѣивать Религію, чистые нравы, и вмѣстѣ любить свое отечество, также невозможно, какъ невозможно любить женщину и считать себя вправѣ измѣнить ей.

Если человѣкъ ругающійся надъ святынею, супружествомъ, нравами и чест-

ностію, станетъ взывать: «О родина! отечество!» — не вѣрьте. Онъ лицемѣръ патріотизма; онъ дурной гражданинъ.

Патріотомъ можетъ назваться только добродѣтельный человѣкъ, который чувствуетъ, любитъ и исполняетъ свои обязанности.

Онъ никогда не вмѣшается ни въ толпу ласкателей, ни въ скопище ненавистниковъ власти: раболѣпство и непокорность суть равно предосудительныя крайности.

Занимаетъ-ли онъ въ Государствѣ должность военную или гражданскую, онъ не думаетъ о своемъ обогащеніи, но о славѣ Государя и благѣ народа.

Простой-ли онъ гражданинъ? Честь и польза Государя и народа, также живо занимаютъ его, и онъ не только не дѣлаетъ ничего противнаго имъ, но ста-

рается по возможности способствовать той и другой.

Онъ знаетъ, что злоупотребленія существуютъ во всякомъ обществѣ, и пламенно желаетъ улучшеній; но ненавидитъ неистовство тѣхъ, которые хотятъ искоренять зло кровью и разрушеніемъ; ибо изо всѣхъ бѣдствій, кровопролитіе есть ужаснѣйшее.

Онъ не сзываетъ междоусобій на отечество; а словомъ и примѣромъ умѣряетъ порывы изувѣровъ, и склоняетъ ихъ къ уступчивости и миролюбію. Но пусть только отечество воззоветъ о защитѣ — онъ перестаетъ быть агнцемъ, онъ уже левъ: онъ сражается, побѣждаетъ или гибнетъ.

—

ГЛАВА X.

СЫНОВНЯЯ ЛЮБОВЬ.

Поприще твоихъ дѣйствій начинается въ семейномъ кругу; домъ отцовскій есть для тебя первая школа добродѣтели. Что же думать о тѣхъ, которые съ притязаніями на любовь къ отечеству, громко провозглашая свой патріотизмъ, нарушаютъ первѣйшую обязанность, — любовь къ родителямъ.

Не можетъ быть геройства и любви къ отечеству, гдѣ гнусная неблагодарность.

Едва разумъ дитяти раскрылся для чувства обязанностей, какъ уже природа шепчетъ ему: «Люби твоихъ родителей!» Это врожденное чувство такъ сильно, что казалось бы, могло прожить въ насъ до конца жизни, безъ нашего содѣйствія. Но, повторяю, всякое благородное чувство имѣетъ нужду въ подкрѣпленіи нашей воли, и безъ нея можетъ погибнуть; такъ и сыновнія обязанности должны быть исполняемы съ твердою рѣшимостію.

Кто признаетъ священнымъ долгомъ любить Бога, ближняго и родину, можетъ-ли не питать глубокой любви къ тѣмъ существамъ, посредствомъ которыхъ Творецъ создалъ его человѣкомъ и гражданиномъ?

Отецъ и мать — наши природные, первые друзья; имъ одолжены мы болѣе

всѣхъ на свѣтѣ, и потому на насъ лежитъ священнѣйшая обязанность питать къ нимъ почтеніе, признательность, любовь, изъявлять эти чувства во всѣхъ поступкахъ нашихъ.

Легко случиться можетъ, что безпрестанныя сношенія съ людьми столь близкими, пріучатъ насъ быть невнимательными къ нимъ, и не стараться всѣми способами услаждать ихъ существованіе.

Берегися впасть въ такое преступленіе. Кто не хочетъ быть добрымъ вполовину, тотъ долженъ во всѣхъ своихъ привязанностяхъ быть внимательнымъ и угодительнымъ. Эти качества придадутъ имъ сугубую прелесть.

Тотъ грубо ошибается, кто отлагаетъ до вступленія въ свѣтъ, соблюденіе этихъ священныхъ правилъ, а между тѣмъ, не оказываетъ родителямъ должнаго послу-

шанія и почтенія. Хорошія привычки достаются только тѣмъ, кто съ непрерывною дѣятельностію, еще въ семействѣ, научался пріобрѣтать ихъ.

«Нѣтъ ничего дурнаго, говорятъ нѣкоторые, если обращаешься съ родителями свободно и смѣло? Они знаютъ, что дѣти ихъ любятъ, такъ за чѣмъ же налагать на дѣтей обязанность безпрестанно угождать имъ и скрывать иногда свою скуку, ропотъ и маленькія досады?»—Не разсуждай такъ, если не хочешь быть человѣкомъ обыкновеннымъ; ибо ежели свобода обращенія состоитъ въ грубости, то нѣтъ столь тѣснаго родства, въ которомъ бы можно было ее допустить.

Тотъ, кто не умѣетъ принудить себя обходиться въ семействѣ такъ, какъ въ свѣтѣ, быть пріятнымъ для всѣхъ, за-

ботиться о пріобрѣтеніи новыхъ добродѣтелей, въ самомъ себѣ почитать человѣка и въ человѣкѣ Бога, есть существо малодушное. Только во время сна позволено слагать съ себя бремя усилій въ добротѣ и снисходительности.

Любить родителей обязываетъ насъ не только благодарность, но и строгій долгъ. Даже въ рѣдкомъ случаѣ, когда родители не заслуживаютъ уваженія, одно званіе виновниковъ нашего существованія столь священно, что мы не вправѣ наносить имъ оскорбленія, но и оказывать малѣйшее невниманіе. Въ предположенномъ нами случаѣ хорошее поведеніе будетъ еще похвальнѣе, хотя и тутъ мы только исполнимъ законъ природы, заплатимъ должную дань всеобщему уваженію и собственному достоинству.

Горе намъ, если мы позволяемъ себѣ осуждать какіе либо недостатки въ своихъ родителяхъ. Когда же и къ кому начнемъ мы быть снисходительными, если мы неумолимы къ отцу и матери?

Требовать отъ нихъ, чтобы они не имѣли недостатковъ и были образцами человѣческаго совершенства, было бы и слишкомъ взыскательно и несправедливо. Да мы сами, съ нашими притязаніями на всеобщую любовь и уваженіе, всегда-ли чужды порицанія? Даже въ такомъ случаѣ, когда бы отецъ и мать далеко отстояли отъ идеала благоразумія и доброты, будемъ изыскивать средства какъ бы оправдать и укрыть ихъ слабости отъ постороннихъ взоровъ и выставить однѣ ихъ хорошія качества. Поступая такимъ образомъ, упражняясь въ благочестіи и научаясь цѣнить

чужія достоинства, мы сами сдѣлаемся лучше.

Другъ мой, старайся чаще приводить себѣ на умъ эту думу печальную, но наставительную; «Быть можетъ, почтенныя сѣдины, которыя теперь передо мною, будутъ скоро покоиться въ могилѣ!» — О, доколѣ ты еще съ ними, утѣшай ихъ въ скорбяхъ, столь часто сопровождающихъ старость!

Самыя лѣта уже довольно располагаютъ ихъ къ печали, такъ берегись, чтобы ее не умножить. Во всѣхъ поступкахъ, въ обхожденіи съ ними, будь любезенъ, предупредителенъ, такъ чтобы одно присутствіе твое ихъ оживляло и радовало. Каждая улыбка, вызванная тобою на ихъ увядшія уста, каждая отрада, возбужденная тобою въ ихъ сердцѣ, будетъ для нихъ выше всѣхъ отрадъ,

а для тебя обратится въ заслугу. Благословеніе, призываемое родителями на голову почтительнаго сына, призываетъ благословеніе Свыше.

—

ГЛАВА XI.

УВАЖЕНІЕ КЪ СТАРЫМЪ ЛЮДЯМЪ И ПРЕДКАМЪ.

Почитай во всѣхъ старыхъ людяхъ образъ твоихъ родителей и предковъ. Старость имѣетъ право на уваженіе всѣхъ добрыхъ сердецъ.

Въ древней Спартѣ былъ законъ, который предписывалъ молодымъ людямъ вставать при появленіи старца; молчать пока онъ говоритъ; уступать дорогу при встрѣчѣ. То, чего законы наши не предписываютъ, мы станемъ дѣлать, и съ

большею еще заслугою, изъ уваженія къ приличію.

Въ этомъ почтеніи есть такая нравственная прелесть, что даже тѣ, которые не признаютъ сего правила, невольно удивляются ему въ другихъ.

На Олимпійскихъ играхъ, одинъ старый Аѳинянинъ искалъ себѣ мѣста; но всѣ ступени амфитеатра уже были заняты. Нѣсколько молодыхъ Аѳинянъ тутъ сидѣвшихъ, стали подзывать его знаками къ себѣ, и когда онъ съ большимъ трудомъ добрался до нихъ, то вмѣсто почтительнаго пріема встрѣтилъ грубыя насмѣшки. Бѣдный старикъ, вытѣсняемый отвсюду, обратился въ ту сторону, гдѣ сидѣли Спартанцы. Вѣрные священному обычаю своей земли, они скромно встаютъ, и сажаютъ его между собою. При видѣ этого, тѣ са-

мые Аѳиняне, которые надъ нимъ такъ безстыдно издѣвались, были объяты удивленіемъ къ своимъ великодушнымъ соперникамъ, и громкіе крики одобренія раздались со всѣхъ спупеней. Слезы потекли изъ очей старца: «Аѳиняне, сказалъ онъ, постигаютъ добро, а Спартанцы его дѣлаютъ.»

Александръ Македонскій (и здѣсь я охотно назову его Великимъ), въ ту самую эпоху, когда рядъ блистательныхъ успѣховъ поощрялъ въ немъ духъ гордости, являлся почтительнымъ предъ старостію. Однажды, когда глубокіе снѣга остановили его побѣдное шествіе, онъ приказалъ развести огонь и сѣлъ грѣться, когда вдругъ замѣтилъ между своими воинами человѣка престарѣлаго, который весь дрожалъ отъ холода. Онъ подбѣгаетъ къ нему, и тѣми же непо-

бѣдимыми руками, сокрушившими царство Дарія, сажаетъ трепещущаго старца на собственное мѣсто.

Парини говаривалъ: «Самый злой человѣкъ тотъ, который не уважаетъ «стариковъ, женщинъ и несчастныхъ!»— и самъ пользовался всѣмъ своимъ вліяніемъ на учениковъ своихъ, чтобы внушить имъ почтеніе къ старымъ людямъ. Однажды, разсерженный на одного изъ нихъ за какой-то проступокъ, онъ увидѣлъ его случайно на улицѣ въ то самое время, когда тотъ помогалъ встать одному старому капуцину и съ жаромъ упрекалъ негодяевъ, которые сбили его съ ногъ. Парини присталъ къ юношѣ, и обнявъ его, сказалъ: За часъ передъ «тѣмъ, я считалъ тебя злымъ; но теперь, видя твою почтительность къ «старости, я начинаю думать, что ты

«способенъ ко многимъ добродѣте-
«лямъ.»

Старость особенно заслуживаетъ почтенія въ тѣхъ, которые во время нашего дѣтства и юности, сносили за насъ столько заботъ и огорченій; въ тѣхъ, которые всѣми силами содѣйствовали къ образованію нашего ума и сердца. Будемъ снисходительны къ ихъ недостаткамъ; оцѣнимъ глубоко труды, которыхъ мы имъ стоили и любовь ихъ къ намъ и не отнимемъ у нихъ сладкой награды, которую они обѣщаютъ себѣ отъ нашей неизмѣнной привязанности. Нѣтъ, тотъ, кто съ благороднымъ самоотверженіемъ посвятилъ себя воспитанію юношества, не довольно награжденъ тѣмъ кускомъ хлѣба, который онъ истинно заслужилъ. Попеченія его суть попеченія отца и матери, а не наемника. Онѣ возвыша-

ютъ того, кто имъ предается. Онѣ пріучаютъ любить и даютъ право быть любимымъ.

Будемъ оказывать дѣтское почтеніе всѣмъ старшимъ насъ, потому только что они старѣе насъ.

Будемъ оказывать сыновнее уваженіе къ памяти тѣхъ, которые принесли пользу родному краю, или человѣчеству. Да будутъ святы для насъ ихъ писанія, изображенія, ихъ гробницы!

Когда же мы обратимся къ прошедшему, и найдемъ до сихъ поръ слѣды тогдашняго варварства; когда мы съ горестію увидимъ настоящее зло, и намъ покажется оно слѣдствіемъ страстей и заблужденій прошедшихъ вѣковъ, то не станемъ порицать предковъ. Вмѣнимъ себѣ въ обязанность быть снисходительными въ своихъ сужденіяхъ объ нихъ.

Конечно, они вели несчастныя войны; он не извиняетъ ли ихъ необходимость, или какое нибудь невинное ослѣпленіе, которыхъ мы не можемъ оцѣнить вполнѣ, за отдаленностію времени? Конечно, они прибѣгали къ чужеземной помощи всегда пагубной *; но опять, не оправдываетъ-ли ихъ та же необходимость или невинныя заблужденія, которыхъ мы за отдаленностію времени оцѣнить не можемъ? Они вводили учрежденія, которыя намъ кажутся негодными; но точно-ли онѣ не годились для ихъ времени? Какъ знать? Можетъ быть онѣ были лучшимъ произведеніемъ ума человѣческаго въ отношеніи къ общественнымъ, стихіямъ того времени?

Критика должна быть справедливою,

* Напомнимъ читателямъ, что здѣсь авторъ говоритъ о своемъ отечествѣ — Италіи.

а не жестокою въ отношеніи къ предкамъ; она не должна ни клеветать, ни отказывать въ почтеніи тѣмъ, которые не могутъ болѣе возстать изъ гроба и сказать намъ: «Вотъ причины нашихъ поступковъ, дѣти!»

Извѣстны знаменитыя слова Катона старшаго: «Трудно дать уразумѣть будущимъ людямъ, что оправдываетъ нашу жизнь.»

—

ГЛАВА XII.

БРАТСКАЯ ЛЮБОВЬ.

У тебя есть братья и сестры. Старайся, чтобы любовь, которою ты вообще обязанъ ближнему, развилась въ тебѣ до полнаго совершенства, — сперва въ отношеніи къ тѣмъ, которые произвели тебя на свѣтъ, а потомъ въ отношеніи къ тѣмъ, съ которыми ты связанъ тѣснѣйшими узами общаго рожденія.

Чтобы узнать, какъ должно, божественную науку любви къ людямъ, ты

долженъ начать учиться ей въ своемъ семействѣ. Какъ невыразимо сладко думать: «Мы дѣти одной матери!» Какое наслажденіе имѣть съ братьями, вокругъ себя, отъ самой колыбели, одни и тѣ же предметы благоговѣнія! Эти узы крови и сходство привычекъ между братьями и сестрами, должны, естественнымъ образомъ, произвести сильное сочувствіе, которое можетъ быть разрушено развѣ однимъ преступнымъ эгоистомъ.

Если хочешь быть хорошимъ братомъ, изгони изъ сердца эгоизмъ; поставь себѣ за правило быть каждый день великодушнымъ въ твоихъ братскихъ сношеніяхъ. Пусть братья и сестры твои видятъ, что ихъ выгоды тебѣ также драгоцѣнны, какъ твои собственныя. Если который изъ нихъ оскорбитъ тебя, будь

Послышавъ въ сердцѣ божественный голосъ, который будетъ твердить тебѣ, не день одинъ, но цѣлыя недѣли, цѣлыя мѣсяцы, и всегда съ новою силою убѣжденія: «Вотъ твое настоящее поприще!» слѣдуй его призыву, съ твердою и непреоборимою волею. Вступи въ это поприще, но со всѣми добродѣтелями, которыхъ оно требуетъ.

Съ помощію ихъ всякое званіе будетъ превосходно для того, кто имѣетъ къ нему охоту. Такъ духовное званіе, пугающее всякаго, кто легкомысленно вступаетъ въ него, съ душею жадною къ удовольствіямъ, исполнено прелестей и наслажденій для человѣка набожнаго, любящаго уединеніе; такъ самая монашеская жизнь, которую столь многіе въ свѣтѣ почитаютъ нестерпимою, а другіе даже безразсудною, исполнена

отрадъ и наслажденій для мудреца благочестиваго, который не считаетъ себя безполезнымъ членомъ общества, доколѣ можетъ оказывать помощь, хотя нѣсколькимъ монахамъ или бѣднымъ земледѣльцамъ. Гражданская тога, которую многіе находятъ столь тяжелою, по причинѣ заботъ, сопряженныхъ съ нею, легка для человѣка, который считаетъ высокимъ наслажденіемъ защищать силою разума правое дѣло ближняго. Благородное ремесло воина имѣетъ невыразимую прелесть для всякаго, чье сердце бьется мужествомъ, кто считаетъ лучшимъ подвигомъ жертвовать жизнію за отечество.

Не удивительно ли, что всѣ званія, отъ самыхъ знатныхъ до самаго скромнаго промысла, имѣютъ каждое свою прелесть и истинное достоинство. Стоитъ

только хотѣть обладать добродѣтелями, свойственными каждому изъ нихъ.

Къ несчастію, весьма немногіе соблюдаютъ ихъ въ точности, и вотъ причина, почему мы слышимъ такъ часто, что люди клянутъ избранное ими занятіе.

Но ты, по строгомъ размышленіи разъ избравшій себѣ поприще, не подражай ихъ безконечнымъ жалобамъ. Не предавайся позднему раскаянію, безотчетному желанію перемѣны. Всякій путь въ жизни усѣянъ своимъ терніемъ. Если ты пошелъ однимъ путемъ, то продолжай: отступать есть уже малодушіе. Кромѣ зла, во всемъ прекрасно быть постояннымъ, и одинъ тотъ, кто умѣетъ довершать начатое, можетъ надѣяться быть человѣкомъ отличнымъ.

—

ГЛАВА XVI.

О спокойствіи духа.

Многіе слѣдуютъ постоянно избранному поприщу, и получаютъ наконецъ къ нему склонность, но потомъ досадуютъ, видя, какъ иное званіе приноситъ другимъ болѣе почестей или богатства; досадуютъ потому, что имъ все кажется, будто ихъ самихъ мало цѣнятъ и награждаютъ, досадуютъ на то, что у нихъ слишкомъ много совмѣстниковъ

и что никто не соглашается быть ниже ихъ.

Не тревожь себя такими мыслями: тотъ, кто позволяетъ имъ овладѣть собою, уже навсегда утратилъ свою долю блаженства на землѣ; онъ высокомѣренъ и смѣшонъ, ибо цѣнитъ себя выше того, чего дѣйствительно стоитъ; онъ несправедливъ, ибо слишкомъ мало оказываетъ уваженія лицамъ, которымъ завидуетъ. Правда, что между людьми не награждаются по заслугамъ. Тотъ, кто наиболѣе трудится, часто бываетъ столь скроменъ, что не успѣваетъ снискать себѣ нѣкоторую извѣстность и часто остается въ тѣни, даже терпитъ нареканіе отъ людей посредственныхъ и дерзкихъ, жаждущихъ опередить его на пути къ успѣху. Таковъ уже свѣтъ, и по крайней мѣрѣ въ этомъ отношеніи нѣтъ на-

дежды, чтобы онъ когда нибудь исправился.

И такъ тебѣ остается только покоряться безропотно этой необходимости. Запечатлѣй въ умѣ своемъ слѣдующую истину: въ жизни важнѣе обладать достоинствомъ человѣка, нежели наградою за — достоинство. Оцѣнятъ его — тѣмъ лучше; не оцѣнятъ — такъ сохрани его въ себѣ безъ награды, оно тѣмъ еще болѣе возвысится.

Общество было бы менѣе порочно, если бы каждый изъ насъ старался смирять въ себѣ тревоги зависти и честолюбивыхъ притязаніи; но не должно впадать въ другую крайность и пренебрегать возможностію улучшить свое состояніе, предаваясь лѣни и равнодушію. Напротивъ того, даже необходимо имѣть благородное честолюбіе, безъ

изступленія и зависти, не выходя однако изъ границъ благоразумія и повторяя себѣ безпрестанно: «Если я и не «достигъ той высокой череды, которой «считалъ себя достойнымъ, то не пере«сталъ и въ низкой долѣ быть человѣ«комъ, и не уронилъ достоинства моей «природы».

Человѣку тогда только позволительно тревожиться желаніемъ награды, когда онъ поставленъ въ положеніе доставать самое необходимое для себя или для своего семейства. Впрочемъ позволительно желать приращенія благополучія и за предѣлы необходимаго, лишь бы это желаніе не возмущало нашего душевнаго спокойствія. Слава Богу, если оно исполнится! тогда мы получимъ возможность услаждать собственную жизнь и помогать ближнему; не исполнится —

да будетъ воля Божія! можно прожить честно и не участвуя въ пріятностяхъ жизни, и если мы не въ состояніи помогать другимъ, то совѣсть не упрекнетъ насъ въ этомъ.

Дѣлай все, что отъ тебя зависитъ, чтобы быть полезнымъ гражданиномъ, чтобы служить для другихъ примѣромъ, а о прочемъ не безпокойся. Ты можешь жалѣть о несправедливостяхъ и бѣдствіяхъ, коихъ бываешь свидѣтелемъ; но не щетинься, какъ звѣрь, и не впадай въ мизантропію, или, что еще хуже, въ ту ложную филантропію, которая, подъ видомъ общественнаго блага, созидаетъ свой престолъ изъ крови и развалинъ и алчетъ жертвъ, какъ сатана.

Правда, тотъ, кто не желаетъ возможныхъ улучшеній обществу, есть или злодѣй, или безумецъ; но кто, любя ихъ,

является жестокимъ, тотъ также безумецъ и злодѣй, и даже въ высшей степени.

Безъ спокойствія духа, большая часть человѣческихъ сужденій будетъ или ошибочна или злобна. Только это спокойствіе можетъ тебя сдѣлать непоколебимымъ въ мученіяхъ, неутомимымъ и твердымъ въ дѣйствіяхъ, справедливымъ, снисходительнымъ и благосклоннымъ ко всякому.

—

ГЛАВА XVII.

РАСКАЯНІЕ И ИСПРАВЛЕНІЕ.

Совѣтуя тебѣ удалять отъ себя всякую душевную тревогу, я говорилъ, что ты не долженъ ослабѣвать въ ежедневномъ стремленіи къ твоему нравственному усовершенствованію.

Тотъ обманываетъ себя, кто говоритъ: «Мое нравственное воспитаніе кончено и я буду тѣмъ, чѣмъ меня сдѣлали.» Мы должны непрестанно предписывать себѣ правило на каждый день, настоящій и

будущій, непрестанно упражнять нашу добродѣтель новыми хорошими дѣйствіями, обращать неослабное вниманіе на проступки наши и раскаяваться въ нихъ.

Да, раскаяваться! Справедливы слова Св. Писанія, что вся наша жизнь должна проходить въ безконечномъ раскаяніи и усиліяхъ къ исправленію. И точно, не этимъ ли чувствомъ проникнуто все Христіанское Ученіе, такъ, что самый Вольтеръ, въ одну изъ тѣхъ минутъ, когда его не мучила потребность поносить Христіанскую Вѣру, написалъ слѣдующее: — «Исповѣдь есть учрежденіе пре«восходное въ самомъ себѣ; это узда «для преступленія, изобрѣтенная въ самой «глубокой древности: исповѣдь употре«блялась при отправленіи всѣхъ древ«нихъ таинствъ. Мы только переняли и

«освятили этотъ мудрый обычай, онъ «есть превосходное средство, чтобы обра«щать раздраженную душу отъ ненависти «къ прощенію.» (См. *Quest. encycl.* t. III).

Если Вольтеръ признаетъ это, то намъ, называющимъ себя христіанами, было бы стыдно этого не чувствовать. Прислушаемся къ голосу нашей совѣсти, устыдимся тѣхъ дѣлъ, которыя она осуждаетъ, признаемся въ нихъ, чтобы отъ нихъ очиститься и не перестанемъ до конца жизни возобновлять это духовное омовеніе. Если мы эту обязанность исполняемъ не съ лѣнивою волею, если мы не одними устами произносимъ приговоръ своимъ проступкамъ, если къ раскаянію присоединяется искреннее желаніе исправиться, то пусть смѣется кто хочетъ, но нѣтъ ничего благодѣ-

тельнѣе покаянія, ничего выше, ничего достойнѣе человѣка.

Коль скоро ты почувствовалъ ошибку, спѣши ее исправить. Только этимъ ты можешь успокоить свою совѣсть. Медленность въ исправленіи часъ отъ часу сильнѣе привязываетъ душу къ злу и пріучаетъ неуважать самого себя. А горе человѣку, если онъ внутренно себя презираетъ! горе ему, если онъ только притворно обнаруживаетъ уваженіе къ себѣ, чувствуя на совѣсти пятна, которыя бы не должны были ее безобразить! Горе ему, если онъ думаетъ, что достаточно скрывать ихъ! Ему нѣтъ мѣста между благородными тварями; онъ отпадшее свѣтило, бѣдствіе въ природѣ.

Если какой нибудь легкомысленный юноша назоветъ тебя слабымъ потому только, что ты подобно ему неупорству-

ешь въ проступкахъ, отвѣчай, что тотъ, кто борется съ порокомъ, сильнѣе того, кто ему уступаетъ; отвѣчай, что гордыня грѣшника есть только поддѣльное мужество, которое всегда исчезаетъ на смертномъ одрѣ, если только человѣкъ въ своемъ умѣ; отвѣчай, что мужество, котораго ты жаждешь добиться, состоитъ именно въ томъ, чтобы презирать насмѣшки, когда начинаешь обращаться отъ порока къ добродѣтели.

Провинишься — не старайся ложью скрывать или смягчать вину; ложь постыдная слабость. Сознайся! въ твоемъ сознаніи будетъ что-то великодушное, а стыдъ, сопряженный съ нимъ, доставитъ тебѣ одобреніе людей благомыслящихъ.

Если ты обидѣлъ кого нибудь, имѣй довольно смиренія и благородства, чтобы просить у него прощенія. Такъ какъ

вся жизнь твоя будетъ доказательствомъ, что ты не малодушный, то за этотъ поступокъ никто не вздумаетъ упрекнуть тебя въ малодушіи. Упорствовать въ оскорбленіи другаго и рѣшиться скорѣе пролить кровь его или нажить смертельнаго врага, нежели чистосердечно объясниться, все это только дѣйствія самолюбія и жестокосердія, дѣйствія, которыя тщетно стараются украсить блестящимъ именемъ чести.

Честь лишь въ добродѣтели; добродѣтель лишь въ безпрестанномъ раскаяніи и исправленіи.

—

ГЛАВА XVIII.

ХОЛОСТАЯ ЖИЗНЬ.

Когда ты изберешь въ обществѣ приличное для себя званіе и найдешь, что нравъ твой пріобрѣлъ столько твердости и хорошихъ свойствъ, что ты можешь достойно носить имя человѣка, тогда только, но но прежде, если располагаешь несть узы супружества, избери себѣ подругу, которая бы стоила любви твоей.

Но прежде, нежели покинешь одиноческую жизнь, подумай, не долженъ-ли ты предпочесть ее? Если же ты не успѣлъ исправить правъ свой отъ вспыльчивости, ревности, подозрительности, нетерпѣливости и самовластія, если ты не можешь надѣяться быть пріятнымъ своей подругѣ, умѣй отказаться отъ супружескаго счастія. Въ противномъ случаѣ, ты только сдѣлаешь жену несчастною и будешь самъ несчастливъ.

Если бы ты не нашелъ женщины со всѣми качествами, какія ты считаешь необходимыми, для того, чтобы ты могъ любить ее и быть ею любимымъ, не слушай тѣхъ, которые будутъ побуждать тебя къ супружеству. Лучше остаться весь свой вѣкъ холостымъ, нежели произнести клятву въ любви, которой ты не чувствуешь.

Но на что бы ты ни рѣшился—отсрочить-ли только супружество, или вести всегда жизнь безбрачную, освящай ее тѣми добродѣтелями, коихъ она непремѣнно требуетъ и умѣй цѣнить ея преимущества.

Ибо и она имѣетъ свои преимущества. Въ какомъ бы положеніи человѣкъ ни находился, онъ долженъ изучить его выгоды и дорожить ими; иначе онъ будетъ считать себя несчастнымъ или униженнымъ и тѣмъ ослабитъ въ себѣ силу дѣйствовать съ достоинствомъ.

Страсть, столь многимъ свойственная, негодовать на безпорядки общества, а можетъ быть и мнѣніе, что слѣдуетъ нарочно ихъ преувеличивать, дабы они скорѣе были исправлены, побуждала часто людей, одаренныхъ пламеннымъ краснорѣчіемъ, обличать передъ свѣтомъ

соблазнительную жизнь нѣкоторыхъ холостяковъ и провозглашать, что холостая жизнь противна закону природы, что она есть величайшее зло, самая могущественная причина развращенія народовъ.

Не увлекайся такими парадоксами. Конечно холостая жизнь часто возбуждаетъ соблазнъ; но и руки и ноги производятъ въ людяхъ тотъ же соблазнъ, когда ихъ употребляютъ на драку. Слѣдуетъ-ли изъ этого, чтобы руки и ноги были вредны человѣку?

Пусть тѣ, которые намѣрены доказывать, будто развратъ неразлученъ съ холостою жизнью не забудутъ изчислить также всѣ несчастія, проистекающія отъ легкомысленныхъ браковъ, не основанныхъ на истинной привязанности.

Послѣ первыхъ восторговъ супруже-

ства вскорѣ приходитъ скука. Тогда начинаешь досадовать, что утратилъ свободу, видишь, что поторопился выборомъ, что характеры не сходны. Отъ этого обоюднаго сожалѣнія супруговъ, или хотя одного изъ нихъ, проистекаютъ холодность, неуваженіе, обиды и ежедневныя ѣдкія огорченія. Женщина, какъ существо самое нѣжное и полное самоотверженія, обыкновенно бываетъ первая жертвою такого плачевнаго несогласія: она страдаетъ до утраты силъ, или, что еще хуже, измѣняетъ своей природѣ, забывая свою врожденную доброту, или допуская въ сердце другую привязанность, которая обѣщаетъ замѣнить ей любовь супружескую, а приноситъ только стыдъ и угрызенія совѣсти. Отъ такихъ несчастныхъ браковъ рождаются дѣти, для которыхъ

первымъ примѣромъ служитъ дурное поведеніе отца или матери или обоихъ вмѣстѣ; дѣти, которыхъ потому именно любятъ мало, или любятъ не такъ, какъ должно, воспитаніемъ коихъ пренебрегаютъ или даютъ ему дурное направленіе; дѣти, которые, наконецъ, не оказываютъ вовсе почтенія родителямъ, никакой нѣжности другъ другу и не имѣютъ никакого понятія о домашнихъ добродѣтеляхъ, этомъ краеугольномъ камнѣ добродѣтелей гражданскихъ.

Все это случается такъ часто, что стоитъ только посмотрѣть вокругъ себя, чтобъ убѣдиться. Никто не упрекнетъ меня въ преувеличеніи.

Я не намѣренъ отрицать всѣхъ золъ, проистекающихъ отъ холостой жизни; но если кто приметъ въ разсужденіе тѣ бѣдствія, которыя я сей часъ исчислилъ,

тотъ сознается, что онѣ не менѣе важны, и скажетъ вмѣстѣ со мною: «Лучше если бы они вовсе не произносили роковаго обѣта!»

Большая часть человѣческаго рода предназначена къ супружеству, но и холостая жизнь также въ природѣ человѣка. Сожалѣть, зачѣмъ не всѣ посвящаютъ себя умноженію человѣческаго рода—только смѣшно. Холостая жизнь всегда благородна, если придерживаться оной по причинамъ основательнымъ и блюсчи ее въ чистотѣ. Она заслуживаетъ даже особенное уваженіе, какъ и всякое благоразумное пожертвованіе, приносимое возвышенной цѣли. Сверхъ того холостая жизнь, избавляя насъ отъ заботъ супружескихъ, даетъ одному болѣе времени и силы посвящать себя глубокому ученію или возвышеннымъ занятіямъ

богослуженія; другому — болѣе возможности помогать въ нуждѣ роднымъ; наконецъ нѣкоторымъ — бо́льшую свободу изливать мисосердіе на множество неимущихъ.

И ужели все это не благо?

Эти разсужденія не суетны. Чтобы оставить холостую жизнь или ей посвятить себя, нужно сперва хорошо узнать то, отъ чего отказываешься и къ чему приступаешь. Возгласы пристрастія только смущаютъ разсудокъ.

—

ГЛАВА XIX.

УВАЖЕНІЕ КЪ ЖЕНЩИНАМЪ.

Наглый и гнусный цинизмъ есть идолъ однихъ простолюдиновъ: это демонъ, собирающій по міру клеветы на весь родъ человѣческій для того, чтобы потомъ заставить его смѣяться надъ добродѣтелію и топтать ее ногами. Онъ собираетъ все, что можетъ обезславить алтарь Божій и, утаивая все противуположное, восклицаетъ:—«Что такое Богъ? что за вліяніе благочестія и религіознаго вос-

питанія? Бредъ фанатиковъ!» Онъ отбираетъ всѣ факты, которые срамятъ гражданское состояніе и восклицаетъ:— «Что такое законы? что гражданскій порядокъ? что честь? что любовь къ отечеству? Не что иное, какъ борьба хитрости и силы со стороны тѣхъ, которые повелѣваютъ или стремятся къ власти, и глупости со стороны повинующихся!» — Онъ собираетъ всѣ факты, могущіе обезславить жизнь холостую и супружескую, имена матери и сына, родственника и друга, и восклицаетъ съ гнусною радостію: — «Я убѣдился, что все это эгоизмъ, обманъ, бѣшеная чувственность, взаимная ненависть и презрѣніе.»

Плоды этой адской и иронической философіи суть: эгоизмъ, обманъ, неистовство чувствъ, взаимная вражда и презрѣніе.

Какъ же можетъ сей безстыдный геній невѣжества, ненавидящій все доброе, не быть также заклятымъ врагомъ достоинства женщины и не стараться ее унизить?

Во всѣ времена онъ ломалъ себѣ голову, какъ бы представить ее презрительнѣе, признавая въ ней одну зависть, коварство, непостоянство, тщеславіе, отказывая ей въ способности питать священное пламя дружбы и любви непорочной. За тѣмъ всякая добродѣтельная женщина признавалась случайнымъ исключеніемъ изъ общаго правила.

Но врожденное въ человѣкѣ чувство великодушія спасло женщину. Христіанство возвысило ее, запретивъ многоженство и преступныя связи, и вознеся Дѣву на высшую степень послѣ Бого-

человѣка, превыше всѣхъ святыхъ и даже Ангеловъ!

Новое общество также ощутило вліяніе сего чистаго стремленія. Посреди варварства вѣковъ среднихъ, рыцарство украшается чистымъ поклоненіемъ красотѣ, и мы, христіане, образованные преемниками того рыцарства, мы только того признаемъ благовоспитаннымъ, кто умѣетъ почитать въ женщинѣ полъ нѣжный, исполненный прелестей, сотворенный для семейныхъ добродѣтелей.

При всемъ томъ, древній врагъ прекраснаго, врагъ женщины, удержался въ мірѣ; и пусть бы онъ развращалъ только однѣ сердца грубыя, одни мелкіе умы; но къ несчастію, онъ нерѣдко увлекаетъ и блистательныхъ геніевъ, и развращеніе это начинается всегда съ той

минуты, какъ скудѣетъ Вѣра, которая одна хранитъ человѣка.

Были философы (такъ, по крайней мѣрѣ, они себя называли), которые иногда являлись истинными друздьями человѣчества, а иногда, впадая въ безвѣріе, писали самыя гадкія книги, движимые одною бѣшеною охотою возбуждать чувственность въ людяхъ посредствомъ безнравственныхъ поэмъ или романовъ, разсужденій, анекдотовъ и всякаго рода вымысловъ.

Всѣ знаютъ, какъ Вольтеръ, обворожительный писатель (душа нечуждая нѣкоторыхъ добрыхъ качествъ, но часто увлекаемая низкими страстями и неистовою потребностію смѣшить) написалъ длинную шуточную поэму, въ которой издѣвается надъ честію женщинъ въ лицѣ прекрасной героини

своего отечества, великодушной и злополучной Іоанны д'Аркъ. Мадамъ Сталь справедливо называетъ это сочиненіе *преступленіемъ противъ народной славы.*

Часто слова людей извѣстныхъ или темныхъ, писателей умершихъ или живыхъ, даже самыя дѣйствія нѣкоторыхъ женщинъ, безславящихъ стыдливость своего пола, будутъ убѣждать тебя въ одинъ голосъ съ невѣжественною толпою: *презирай женщинъ!*

Отринь такое гнусное наущеніе, или, ты самъ, сынъ жены, сдѣлаешься достойнымъ презрѣнія! Не вступай въ общество тѣхъ, которые не умѣютъ уважать въ женщинѣ полъ матери своей. Отдай презрѣнію тѣ книги, которыя ее унижаютъ, проповѣдуя вольность нравовъ. Уважай достоинство жен-

щинъ, чтобы быть достойнымъ охранять ту, которая даровала тебѣ жизнь, охранять сестеръ твоихъ и со временемъ, быть можетъ, ту женщину, которую ты назовешь матерью дѣтей твоихъ.

—

ГЛАВА XX.

ДОСТОИНСТВО ЛЮБВИ.

Почитай женщину, но опасайся прельщеній ея красоты и, еще болѣе, увлеченій твоего сердца.

Счастливъ ты, если не полюбишь страстно ни одной женщины, кромѣ той которая предназначена судьбою въ подруги твоей жизни.

Пусть лучше сердце твое будетъ вѣчно свободно отъ узъ любви, нежели покориться власти женщины недостойной.

Человѣкъ души ничтожной можетъ еще быть счастливымъ съ нею, но не ты. Тебѣ нужна ли жизнь независимая, или подруга достойная твоихъ благородныхъ понятій о человѣкѣ и о женщинѣ въ особенности.

Пусть она будетъ изъ тѣхъ избранныхъ душъ, которыя понимаютъ всю возвышенность вѣры и любви. Но бѣда, если ты вообразишь ее совсѣмъ иною, нежели какова она есть на самомъ дѣлѣ.

Когда ты найдешь такую женщину, когда ты увидишь, что она чистымъ сердцемъ любитъ Бога, что она способна восхищаться добродѣтелію, что она внимательна къ исполненію всѣхъ своихъ обязанностей и не пропускаетъ случая дѣлать добро по возможности; если ты увидишь въ ней непримиримую ненависть ко всему, что отвергается нрав-

ственностью; если со всѣми этими достоинствами она соединяетъ умъ образованный безъ всякаго желанія блистать; если напротивъ, при столь отличномъ умѣ, она еще образецъ скромности; если все въ ней, рѣчи и поступки, дышетъ кротостію, естественнымъ изяществомъ, высокимъ чувствомъ, твердою волею въ исполненіи обязанностей, бдительнымъ стараніемъ не оскорбить никого, но напротивъ утолять чужія горести и своимъ очарованіемъ облагороживать мысли другихъ, — о, тогда люби ее всею душею, ея достойною.

Пусть она будетъ твоимъ Ангеломъ-хранителемъ; пусть будетъ для тебя живымъ выраженіемъ воли Божіей, отклоняетъ тебя отъ всего низкаго, побуждаетъ ко всему доброму. Начиная что либо, спрашивай себя, заслужитъ ли

твой поступокъ ея одобренія; старайся поступать такимъ образомъ, дабы прекрасная душа ея радовалась, что имѣетъ тебя своимъ другомъ; почитай ее не только въ глазахъ людей, которыхъ судъ еще не такъ важенъ, но передъ лицемъ Бога, который все видитъ.

Если супруга твоя одарена душою столь возвышенною и религіозною, любовь твоя, какъ бы ни была она сильна, никогда не перейдетъ въ крайности, не сдѣлается идолопоклонствомъ. Ты будешь къ ней привязанъ потому, что ея желанія въ совершенномъ согласіи съ волею Бога, такъ что, если когда нибудь желанія ея будутъ противорѣчить желаніямъ Бога, то очарованіе изчезнетъ— ты перестанешь любить ее.

И вотъ любовь, которую многія обыкновенныя души называютъ бредомъ, ра-

зумѣю тѣ, которыя не понимаютъ высокаго достоинства женщины. Жалѣй о ихъ печальномъ благоразуміи. Да, эта чистая любовь, которая такъ могущественно возбуждаетъ насъ къ добродѣтели — возможна; она существуетъ въ природѣ, хотя и рѣдко встрѣчается. И всѣмъ бы людямъ надлежало или избрать ее, или отказаться вовсе отъ любви.

—

ГЛАВА XXI.

ПОРОЧНАЯ ЛЮБОВЬ.

Но берегись, повторяю, принимать за образецъ добродѣтелей такую женщину, которая ихъ вовсе не имѣетъ; иначе впадешь въ страсть романическую, всегда смѣшную и предосудительную; ты погубишь свое сердце, покланяясь недостойному кумиру.

Да, женщина заслуживающая уваженіе, и высокое уваженіе, существуетъ

на землѣ; но есть и такія—и ихъ много—которыя, бывъ испорчены безсмысленнымъ воспитаніемъ и обманчивыми примѣрами, увлеченныя своимъ собственнымъ легкомысліемъ, не умѣютъ возвыситься до того, чтобы оцѣнить влеченіе къ нимъ души благородной, и которымъ пріятнѣе привлекать поклонниковъ красотою своею и ловкостью ума, нежели заслужить любовь душою чистою и возвышенною.

Такія несовершенныя женщины бываютъ опасны и даже болѣе, нежели вовсе дурныя женщины. Онѣ сводятъ съ ума не только прелестію и ловкостію обращенія, но часто качествами истинно-прекрасными и тою надеждою, что доброе возметъ въ нихъ верхъ надъ дурнымъ. Не ослѣпляй себя этою надеждою, какъ скоро только замѣтишь

въ женщинѣ тщеславіе или другой важный недостатокъ. Суди ее строго, не съ тѣмъ, чтобы ее злословить или преувеличивать ея несовершенства, но чтобы во время удалиться и непредаться недостойнымъ узамъ.

Чѣмъ болѣе сердце твое расположено къ любви, чѣмъ болѣе оно способно почитать женщину достойную, тѣмъ менѣе, избирая подругу, ты можешь довольствоваться посредственнымъ достоинствомъ въ женщинѣ.

Молоды люди легкомысленные и безнравственные станутъ смѣяться надъ тобою; скажутъ, что ты гордецъ, дикарь или святоша. Что нужды! презри ихъ сужденія. Не будь гордымъ, не кажись дикаремъ, ни святошею; только не расточай никогда своихъ чувствъ; храни твердо независимость сердца, или отдай

его женщинѣ, которая бы вполнѣ имѣла право на твое приношеніе.

Кто любитъ отличную женщину, тотъ не тратитъ времени на раболѣпное служеніе ей лестію и пустыми вздохами. Она сама не потерпитъ этого. Она постыдится отвѣчать суетной любви празднаго, изнѣженнаго человѣка; въ ея глазахъ имѣетъ цѣну только привязанность человѣка простаго въ обращеніи, исполненнаго достоинства, человѣка, который мало говоритъ о любви, но старается заслужить ее твердыми правилами и добрыми дѣлами. Женщина, которая терпитъ у ногъ своихъ раба, всегда готоваго покоряться безчисленнымъ ея прихотямъ, занятаго только любовными приторностями и пустыми бездѣлками, не можетъ имѣть высокаго понятія ни объ немъ, ни о самой себѣ. А

тотъ, кому нравится такое состояніе, кто любитъ не съ благородною цѣлію, который не ищетъ въ привязанности къ предмету добродѣтельному средства содѣлаться лучшимъ, тотъ жалко тратитъ умъ и сердце и едва ли сохранитъ довольно силы характера, чтобы когда нибудь совершить что либо доброе на семъ свѣтѣ. Не говорю уже о женщинахъ порочной жизни: ихъ гнушается всякой честный человѣкъ и не гнушаться ихъ есть великій стыдъ.

Когда ты найдешь женщину достойную твоей любви, не позволяй себѣ ни подозрѣній, ни ревности, ни нескромнаго требованія быть безъ памяти любимымъ.

Сдѣлай основательный выборъ и тогда люби, не утомляя горячностію ни себя, ни избранную тобою, не смущаясь тѣмъ, что она отвѣчаетъ любезности другихъ,

не требуя, чтобы она, какъ говорятъ, таяла отъ любви къ тебѣ.

Будь ей преданъ съ тѣмъ, чтобы отдавать ей всю должную справедливость, чтобы умѣть удивляться ея достоинствамъ безъ униженія, чтобы самому возвышаться до того существа, которое ты признаешь высокимъ, но вовсе не съ тѣмъ, дабы она простерла любовь свою къ тебѣ до безумной крайности.

Ревнивцы, тѣ, которые выходятъ изъ себя за то, что ихъ недовольно любятъ, суть настоящіе тираны. Вмѣсто того, чтобы бѣшенствомъ покупать какое нибудь наслажденіе, лучше отказаться отъ этого наслажденія; чѣмъ сдѣлаться тираномъ или впасть отъ безумія страсти въ другую такую же крайность, лучше откажись отъ любви.

—

ГЛАВА XXII.

ОБЪ УВАЖЕНІИ КЪ ДѢВИЦАМЪ И ЗАМУЖНИМЪ ЖЕНЩИНАМЪ.

Какую бы жизнь ты ни избралъ—холостую или супружескую, имѣй всегда уваженіе къ дѣвицамъ и замужнимъ женщинамъ.

Нѣтъ ничего выше невинности и добраго имени дѣвушки: не позволяй себѣ ни съ одною изъ нихъ ни малѣйшей свободы обращенія или рѣчей, которая могла бы осквернить чистоту ея мыслей или возмутить покой ея серд-

ца. Не позволяй себѣ въ разговорѣ ни съ нею, ни объ ней, никакого намѣка, который бы далъ поводъ другимъ предполагать въ ней легкомысліе или вѣтренность. Иногда довольно самой обманчивой наружности, чтобы погубить славу дѣвушки, возбудить противъ нея клевету, и можетъ быть разстроить бракъ, который бы составилъ ея счастіе.

Случится-ли, что твое сердце забьется любовью къ дѣвушкѣ, которой руку ты получить не можешь, не открывай ей любви своей, ни словомъ, ни взглядомъ, но старайся напротивъ всячески скрывать ее. Если узнаетъ она, что ее любятъ, то можетъ сама воспламениться и сдѣлаться жертвою несчастной страсти.

Если замѣтишь, что возбудилъ любовь въ дѣвушкѣ, не имѣя намѣренія

или возможности на ней жениться, дорожи ея покоемъ и славою: перестань вовсе видѣться съ нею. Тѣшиться мыслію, что тебѣ удалось возбудить въ сердцѣ несчастной, невинной дѣвушки страсть, которая можетъ принесть ей только стыдъ и отчаяніе — есть тщеславіе достойное злодѣя.

Будь не менѣе остороженъ со всякою замужнею женщиною. Безумная любовь къ ней или любовь ея къ тебѣ легко могутъ вовлечь васъ въ великія несчастія, въ гнусное дѣло. Конечно въ такомъ случаѣ ты потеряешь менѣе, нежели она, но это самое должно увѣрить, сколь много теряетъ женщина, лишаясь уваженія своего мужа и собственнаго; если ты имѣешь искру великодушія, страшись ея опасности, не продолжай ее ни на минуту, — брось

любовь запрещаемую Богомъ и законами. Сердца ваши обольются кровью разставаясь; но что дѣлать? Добродѣтель требуетъ пожертвованій, а кто не имѣетъ для нихъ довольно силы, тотъ недостойный, малодушный человѣкъ.

Между замужнею женщиною и постороннимъ человѣкомъ не можетъ существовать иныхъ невинныхъ отношеній, кромѣ заслуженнаго, дружескаго уваженія, основаннаго на взаимномъ сознаніи истинныхъ достоинствъ другъ въ другѣ, на убѣжденіи, что для нихъ обѣихъ выше всякой любви ихъ неизмѣнная любовь къ своимъ обязанностямъ.

Считай величайшимъ преступленіемъ похитить у мужа любовь его жены. Если онъ достоинъ ея любви, то поступокъ твой есть ужасное злодѣяніе; если онъ мужъ недостойный, то и тогда его

недостатки не даютъ тебѣ права развращать несчастную, которая связана съ нимъ узами брака. Женѣ дурнаго мужа остается одно средство: принудить себя сносить его и остаться ему вѣрною. Тотъ, кто подъ предлогомъ утѣшенія увлекаетъ ее къ любви преступной есть только жестокій эгоистъ. Хотя бы даже поступки его были слѣдствіемъ сожалѣнія, то это сожалѣніе мечтательное, вредное, преступное. Внушивъ любовь такой женщинѣ, ты только увеличишь ея страданія; къ ея несчастію—имѣть немилаго мужа, ты придашь еще ненависть къ нему, возрастающую каждый день отъ любви къ тебѣ, и отъ слишкомъ высокаго мнѣнія о твоихъ достоинствахъ; присоединишь и ревность мужа со всѣми ея пытками: но что важнѣе всего—терзанія совѣсти!

Для несчастной супруги одна отрада — сохранить свою чистоту и непорочность. Кто станетъ говорить ей о другихъ отрадахъ, тотъ ее будетъ обманывать и повергнетъ въ отчаяніе.

Въ обращеніи съ женщинами, которыхъ ты любишь за ихъ добродѣтели, равно какъ и съ дѣвушками, остерегайся, чтобы дружба твоя къ нимъ не возбудила оскорбительныхъ подозрѣній. Будь остороженъ въ разговорѣ объ нихъ съ людьми привыкшими судить о всѣхъ невыгодно. Въ вѣчныхъ своихъ предположеніяхъ, эти люди слушаются всегда только голоса своего испорченнаго сердца. Коварные истолкователи чужихъ словъ, они криво толкуютъ самыя простыя рѣчи, самыя невинныя дѣйствія; они видятъ тайны тамъ, гдѣ нѣтъ никакой тайны. Нѣтъ такой предосторож-

ности, которою бы можно было пренебречь, когда дѣло идетъ о сохраненіи доброй славы женщины. Эта слава, послѣ невинности, есть драгоцѣннѣйшее ея сокровище. Всякій, кто не дорожитъ этою славою, кто ощущаетъ радость, когда другіе подозрѣваютъ въ женщинѣ склонность къ нему, есть человѣкъ жалкій, не заслуживающій быть принятымъ ни въ какое порядочное общество.

—

ГЛАВА XXIII.

СУПРУЖЕСТВО.

Когда влеченіе сердца и обстоятельства рѣшатъ тебя на супружество, иди къ алтарю исполненъ святыхъ помышленій, съ искреннимъ намѣреніемъ содѣлать счастіе той, которая ввѣряетъ тебѣ судьбу свою, которая мѣняетъ имя отцовъ на твое имя, которая предпочитаетъ тебя всему, что ей драгоцѣнно и надѣется чрезъ тебя дать жизнь дру-

гимъ разумнымъ существамъ, призваннымъ къ познанію Бога.

Какое жалкое доказательство человѣческаго непостоянства! — Большая часть браковъ заключается по любви, сопровождается благими помыслами и освящается твердымъ намѣреніемъ благословлять такой союзъ до гроба, и года два спустя, а иногда чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ, сопряженная чета охладѣваетъ, супруги съ трудомъ могутъ сносить другъ друга, начинаются взаимные упреки, и никто не заботится о взаимномъ угожденіи.

Отъ чего все это? Во первыхъ, и это главное, отъ того, что обыкновенно женятся, не узнавши сперва другъ друга какъ должно. Будь остороженъ въ выборѣ; увѣрься прежде въ добрыхъ качествахъ той, которую любишь, или въ

противномъ случаѣ, ты погибъ. Во вторыхъ, это охлажденіе происходитъ отъ того, что мы малодушно уступаемъ непостоянству природы нашей, что забываемъ ежедневно повторять себѣ: «Я рѣшился жениться, и потому долженъ быть твердъ въ моей рѣшимости.

Здѣсь, какъ и во всякомъ другомъ обстоятельствѣ жизни, смотри какъ человѣкъ легко обращается къ злу: смотри, какъ онъ становится презрѣннымъ всегда по недостатку твердой воли; какъ всѣ пороки, всѣ несчастія общества проистекаютъ единственно отъ слабости характера.

Супружество можетъ быть благополучно только на этомъ условіи; каждый изъ супруговъ долженъ единожды навсегда сказать себѣ слѣдующее: «Хочу уважать и любить то сердце, которому я отдалъ власть надъ моимъ.»

Если выборъ хорошъ, если которое нибудь сердце не испорчено, то не можетъ быть, чтобы оно развратилось и сдѣлалось неблагодарнымъ, когда другое не перестаетъ осыпать его знаками нѣжной внимательности и непорочной любви.

Когда мужъ любимый женою вдругъ лишится ея нѣжности, то вѣрно онъ виновенъ предъ нею, или въ грубомъ обращеніи, или въ пренебреженіи, или въ другихъ подобныхъ проступкахъ.

Душа женщины создана нѣжною, признательною, и въ высочайшей степени расположена любить того, кто постоянно оказываетъ ей привязанность, старается заслужить ея уваженіе. Но именно отъ этой врожденной чувствительности, ее глубоко трогаетъ равнодушіе мужа и всѣ поступки, могущіе

его унизить. Это чувство можетъ наконецъ довести ее до непреодолимаго отвращенія къ нему, и до всѣхъ преступленій, которыя нерѣдко отъ того проистекаютъ. Тогда несчастная будетъ виновною, но причиною вины ея будетъ, конечно, мужъ.

Будь всегда убѣжденъ въ той истинѣ, что ни какая женщина, если она была добродѣтельна при вступленіи въ бракъ, не лишится своихъ природныхъ качествъ въ сожительствѣ съ человѣкомъ, который не пересталъ заслуживать ея любовь.

Чтобы постоянно сохранять права на любовь супруги, нужно строго блюсти свое достоинство въ глазахъ ея; нужно, чтобы свобода супружескаго обращенія нисколько не уменьшала той почтительной вѣжливости, которую она замѣчала

въ мужѣ до свадьбы; не нужно быть слабымъ рабомъ жены своей и пропускать безъ замѣчанія ея ошибки, но съ тѣмъ вмѣстѣ не должно и обнаруживать ни малѣйшаго деспотизма въ своихъ дѣйствіяхъ, а исправлять ее безъ суровости; нужно, чтобы все вокругъ нея давало ей высокое понятіе о разумѣ и прямодушіи мужа, чтобы она гордилась быть его подругою и отъ него зависѣть. Нужно, чтобы эта зависимость не происходила отъ гордости мужа, но чтобы сама жена подчинялась ей добровольно, по любви и глубокому сознанію обоюднаго достоинства.

Какъ бы ни былъ ты счастливъ въ выборѣ жены, увѣренность въ ея достоинствахъ не должна заставлять тебя думать, что они даютъ тебѣ право менѣе стараться быть всегда пріятнымъ

въ глазахъ ея. Не говори: «она такъ совершенна, что проститъ мнѣ мои недостатки; зачѣмъ мнѣ стараться быть ей милымъ, когда она и такъ меня любитъ.»

Какъ! потому что она столь добра, ты будешь менѣе угождать ей? Не заблуждайся: именно потому, что сердце ея такъ нѣжно, твоя невнимательность, невѣжливость и грубость сильнѣе огорчатъ ее, и возбудятъ въ ней отвращеніе. Чѣмъ благороднѣе ея чувства и обращеніе, тѣмъ сильнѣе въ ней потребность найти и въ тебѣ тоже. Когда она не находитъ ихъ, когда замѣчаетъ, что отъ очаровательной любезности влюбленнаго ты перешелъ къ оскорбительному равнодушію дурнаго мужа, тогда, по добродѣтели своей, она долго еще будетъ стараться любить тебя, хотя ты

того уже недостоинъ, но будетъ стараться напрасно. Она проститъ тебя, но перестанетъ любить, — и будетъ несчастлива. И горе тебѣ, если добродѣтель ея не устоитъ, и ей поправится другой! Ея сердце, котораго ты не умѣлъ ни оцѣнить, ни сохранить какъ должно, содѣлается добычею преступной страсти, пагубной, какъ для ея собственнаго, такъ и для твоего и дѣтей вашихъ спокойствія.

Такова участь многихъ мужей, а между тѣмъ жены, которыхъ они проклинаютъ, были прежде добродѣтельны. Несчастныя погибли только потому, что не были любимы.

Назвавъ женщину священнымъ именемъ супруги, ты долженъ посвятить себя ея благу, точно также, какъ она обязана себя посвятить твоему; но на

тебѣ лежитъ бо́льшая отвѣтственность, ибо женщина существо слабое, и ты, какъ сильнѣйшій, долженъ первый подавать ей добрые примѣры и помощь.

—

ГЛАВА XXIV.

ОТЕЧЕСКАЯ ЛЮБОВЬ. — ЛЮБОВЬ КЪ ДѢТЯМЪ И ЮНОШЕСТВУ.

Доставить отечеству добрыхъ гражданъ и Богу сыновъ достойныхъ Его, такова будетъ твоя обязанность, когда ты сдѣлаешься отцомъ. Высокая обязанность! кто ее принимаетъ на себя и измѣняетъ ей, тотъ величайшій врагъ отечества и Бога.

Безполезно исчислять добродѣтели, составляющія истиннаго отца: ты бу-

дешь обладать всѣми ими, если ты былъ добрымъ сыномъ и мужемъ. Дурные отцы всегда бываютъ прежде неблагодарными дѣтьми и дурными супругами.

Но если бы ты и не имѣлъ еще дѣтей, если тебѣ вовсе не суждено имѣть ихъ, питай душу сладостнымъ чувствомъ любви отеческой. Всякой человѣкъ долженъ носить его въ себѣ, и питать его ко всѣмъ дѣтямъ, ко всѣмъ юношамъ.

Взирай съ любовію на эту будущую надежду общества, даже взирай съ почтеніемъ.

Кто напрасно раздражаетъ дѣтей или оказываетъ имъ пренебреженіе, тотъ или уже порочепъ, или близокъ къ пороку; кто не умѣетъ строго беречь невинности ребенка, кто не страшится на-

учить его чему нибудь дурному, или не старается уберечь отъ дурныхъ примѣровъ и зажечь въ немъ любовь къ одной добродѣтели, тотъ можетъ быть причиною, что ребенокъ выростетъ чудовищемъ. Но къ чему слабыя человѣческія рѣчи, когда божественный другъ дѣтей, Спаситель, уже произнесъ эти священныя, запечатлѣнныя ужасомъ слова? «И иже àще пріиметъ отроча́ «таковò во имя моѐ, менѐ пріе́млетъ. «А иже а́ще соблазнитъ единаго мà«лыхъ вѣрующихъ въ мя, уне есть ему, «да обѣсится жѐрновъ осе́лскій на «выи его́ и потòнетъ въ пучинѣ мор«стѣй.» (Матѳ.).

Смотря на тѣхъ, которые хотя нѣсколькими годами моложе тебя, и на которыхъ по этому твой примѣръ и слова могутъ имѣть вліяніе, смотри

на нихъ, какъ на дѣтей своихъ: въ обращеніи съ ними старайся соединить ту снисходительеость и ревность къ ихъ благу, которыя могутъ отвратить ихъ отъ зла и возбудить къ добру.

Дѣти отъ природы склонны къ подражанію: если молодежь окружающая ребенка будетъ благочестивая, достойная, любезная, ребенокъ захочетъ сдѣлаться такимъ же, и будетъ имъ дѣйствительно. Пусть же вмѣсто того будутъ его окружать вольнодумцы, порочные, злонравные юноши, и ребенокъ сдѣлается такимъ же гнуснымъ, какъ они.

Будь ласковъ даже съ дѣтьми и отроками, которыхъ ты видишь, или съ которыми случится тебѣ говорить хотя разъ въ жизни; скажи имъ при случаѣ

какихъ нибудь два слова, полныхъ ума и добра. Эти слова изъ устъ твоихъ, этотъ взоръ твоихъ очей, быть можетъ, оторветъ ихъ отъ недостойной мысли, возбудитъ въ нихъ желаніе заслужить любовь благомыслящихъ людей.

Если юноша, подающій хорошія надежды, довѣрится тебѣ, будь для него великодушнымъ другомъ, приди къ нему на помощь, съ твердыми и спасительными совѣтами, не льсти ему никогда: хвали его похвальныя дѣйствія, но умѣй строгими рѣчами отвратить его ото всякаго противнаго дѣла.

Если ты увидишь, что юноша обращается къ пороку, хотя бы ты не былъ съ нимъ друженъ, не упускай случая подать ему руку помощи и спасти его. Иногда юношѣ, вступающему на дурной путь, нужно одно слово, одинъ

знакъ для того, чтобы онъ опомнился и обратился на путь добрый.

Какое же дашь ты нравственное воспитаніе своимъ дѣтямъ? Тебѣ не понять этого, если ты прежде не воспиталъ себя самъ какъ можно лучше. Въ такомъ случаѣ ты дашь такое, какое получилъ самъ.

—

ГЛАВА XXV.

О БОГАТСТВѢ.

Религія и философія равно превозносятъ честную бѣдность, и даютъ ей явное предпочтеніе предъ ненасытнымъ стремленіемъ къ богатству. Тѣмъ не менѣе допускаютъ онѣ, что человѣкъ можетъ быть богатымъ и столь достойнымъ, какъ лучшій изъ бѣдныхъ.

Для того ему стоитъ только не быть рабомъ богатства, не искать его и не

копить для дурнаго употребленія, а желать его единственно для того, чтобы быть полезнымъ ближнему.

Честь и уваженіе всѣмъ честнымъ состояніямъ общества, и слѣдовательно, богатымъ! Пусть только сокровища ихъ приносятъ пользу многимъ, пусть наслажденіе и роскошь не дѣлаютъ ихъ лѣнивыми и надменными!

Что до тебя касается, ты вѣроятнѣе останешься въ той сферѣ, въ которой родился, ни слишкомъ богатымъ, ни слишкомъ бѣднымъ. Да не овладѣетъ же тобою эта низкая зависть противъ богачей, которая часто грызетъ людей бѣдныхъ или менѣе богатыхъ. Эта зависть обыкновенно принимаетъ важный тонъ языка философическаго, то разражаясь въ жаркихъ нападеніяхъ на роскошь, на неравенство состояній, на высокомѣріе

сильныхъ счастливцевъ міра; то выставляя на показъ мнимо-великодушную жажду равенства, или желаніе видѣть облегченіе безчисленныхъ бѣдствій человѣчества. Не обольщайся всѣми этими фразами, хотя бы ихъ произносили люди, имѣющіе нѣкоторую извѣстность, хотя бы онѣ были написаны въ десяткахъ краснорѣчивыхъ книгъ, которыхъ сочинители торгуютъ рукоплесканіями черни и потворствуютъ ея низкимъ страстямъ. Въ этихъ выходкамъ гораздо болѣе зависти и клеветы, нежели истиннаго чувства справедливости.

Неравенство состояній неизбѣжно, и отъ него происходитъ и добро и зло. Нѣтъ сомнѣнія, что тотъ, кто съ жаромъ проклинаетъ богатаго, охотно сталъ бы на его мѣсто; а если такъ, то пусть тотъ, кто уже владѣетъ богатствомъ, —

и остается при немъ. Рѣдкіе богачи не расточаютъ своего золота, а расточая его, они всѣ различнымъ образомъ, съ бо́льшимъ или меньшимъ достоинствомъ, а иногда и безъ всякаго достоинства, содѣйствуютъ общему благу. Отъ нихъ живится торговля, утончается вкусъ, поощряются искуства и вознаграждаются труды всякаго, кто захочетъ избѣгнуть нищеты путемъ промышленности. Видѣть въ богачахъ лишь праздность, изнѣженность, безполезность, значитъ марать карикатуру. Если золото дѣлаетъ иныхъ лѣнивыми, то другихъ побуждаетъ къ похвальной дѣятельности. Нѣтъ въ мірѣ города, сколько нибудь просвѣщеннаго, гдѣ бы богатые не учреждали и не поддерживали множества важныхъ благотворительныхъ заведеній; нѣтъ мѣста, гдѣ бы они, об-

ществами или отдѣльно, не были подпорою несчастныхъ. И такъ смотри на нихъ безъ гнѣва и зависти, и не повторяй суетныхъ обвиненій толпы. Не гордись и не подличай предъ ними, по той же самой причинѣ, почему бы ты не желалъ, чтобы тотъ, кто бѣднѣе тебя, гордился или подличалъ предъ тобою.

Будь благоразумно бережливъ въ твоемъ имуществѣ; избѣгай равно какъ скупости, которая черствитъ сердце и стѣсняетъ разумъ, такъ равно и расточительности, которая заводитъ въ тягостные долги и заставляетъ прибѣгать къ недостойнымъ средствамъ.

Позволительно стараться объ умноженіи богатства, но безъ постыдной жадности и неумѣренныхъ заботъ, и не забывая никогда, что истинное достоин-

ство и благополучіе зависятъ не отъ него, а отъ чистоты души предъ Богомъ и людьми.

Если стяжаніе твое умножится, пусть умножатся и твои благодѣянія.

Можно быть богатымъ и обладать всѣми добродѣтелями, но быть богатымъ и эгоистомъ—совершенная низость. Кто много имѣетъ, долженъ много давать: нельзя никакъ уклониться отъ этой священной обязанности.

Не отказывай въ помощи нищему; но да не будетъ это единственнымъ твоимъ подаяніемъ. Лучшее и благоразумнѣйшее подаяніе состоитъ въ томъ, чтобы доставлять бѣднымъ способъ пропитаться безъ нищенства, а для этого нужно доставлять всякимъ ремесленникамъ и художникамъ не только хлѣбъ, но и работу.

Привыкай къ мысли, что непредвидѣнныя обстоятельства могутъ тебя вдругъ лишить наслѣдія предковъ и повергнуть въ нищету. Сколько видимъ мы подобныхъ переворотовъ! Ни одинъ богатый не можетъ сказать; «Я не умру въ изгнаньи и несчастіи.»

Пользуйся твоимъ богатствомъ съ тѣмъ великодушнымъ безкорыстіемъ, которое философы Церкви вмѣстѣ съ Евангеліемъ называютъ *нищетою духа*.

Вольтеръ, въ одну изъ тѣхъ минутъ, когда ему хотѣлось кощунствовать, пользуясь двумысленностію Французскаго языка, увѣрялъ, будто подъ нищетою Евангелія разумѣетъ недостатокъ ума. Нисколько: эта нищета состоитъ въ томъ, чтобы сохранить, даже среди богатства, духъ кроткій, не гнушающійся бѣдности, духъ, способный переносить

ее, если бы она насъ постигла, наконецъ способный уважать ее въ другихъ, Все это составляетъ добродѣтель, которая не имѣетъ ничего общаго съ слабоуміемъ, добродѣтель, которая можетъ проистекать только отъ возвышеннаго духа и глубокой мудрости!

«Хочешь ли ты воздѣлать душу, го-«ворить Сенека, будь бѣденъ, или живи «какъ бѣдный.»

Если впадешь въ нищету, не теряй духа. Трудись для твоего пропитанія и никогда не стыдись такой жизни. Бѣднякъ можетъ быть столь же достоинъ уваженія, какъ и тотъ, кто ему помогаетъ; но въ такомъ случаѣ умѣй отказаться отъ привычекъ богатства. Не представляй собою смѣшнаго и жалкаго зрѣлища нищаго гордеца, который пренебрегаетъ добродѣтелями, наи-

болѣе приличными бѣдному: благороднымъ смиреніемъ, строгою бережливостію, неутомимымъ терпѣніемъ въ трудахъ, яснымъ спокойствіемъ духа, ненарушаемымъ непріязненною судьбою!

—

ГЛАВА XXVI.

УВАЖЕНІЕ КЪ НЕСЧАСТІЮ. — БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОСТЬ.

Честь и уваженіе всѣмъ честнымъ состояніемъ, а слѣдовательно и бѣднымъ! Пусть только несчастіе послужитъ къ ихъ нравственному улучшенію, пусть только они не думаютъ, что ихъ страданія даютъ имъ право предаваться порокамъ и злобѣ.

Какъ бы то ни было, не суди ихъ слишкомъ строго; будь скорѣе сострадателенъ къ несчастнымъ, которые не все-

гда довольно сильны надъ собою, чтобы укрощать порывы досады и бѣшенства. Вспомни только, что тяжело переносить нужду на большой дорогѣ или въ убогой хижинѣ, когда мимо ѣздятъ люди, роскошно одѣтые и сытые. Прости бѣдному, если онъ столько слабъ, что смотритъ на тебя съ завистью, и помоги ему въ нуждѣ, ибо онъ человѣкъ.

Уважай несчастіе во всѣхъ, на кого ни падаютъ его удары, даже и тогда, когда оно еще не дошло до крайности, и къ тебѣ еще не взываютъ о помощи.

Всякій, кто жизнь влачитъ въ скорбяхъ и работѣ, или только находится въ состояніи, которое ниже твоего, уже тѣмъ однимъ получаетъ достаточное право ожидать отъ себя благосклоннаго сожалѣнія. Не давай ему чувствовать, своимъ пренебреженіемъ, преимущество

твоего жребія. Не говори съ нимъ сурово, даже если онъ и не полюбится тебѣ своею грубостію, или другимъ какимъ нибудь недостаткомъ.

Нѣтъ ничего утѣшительнѣе для несчастнаго, какъ благосклонность и вниманіе къ нему тѣхъ, кои надъ нимъ возвышены; тогда сердце его исполняется признательности, и онъ понимаетъ тогда, зачѣмъ есть богатые люди, и онъ прощаетъ имъ благосостояніе, потому что признаетъ ихъ того достойными.

Господинъ надмѣнный и суровый всегда бываетъ ненавидимъ, какъ бы щедро ни осыпалъ онъ слугъ своихъ золотомъ.

Возбудить къ себѣ ненависть низшихъ, всегда противно нравственности; ибо, во первыхъ, это доказываетъ, что ты золъ; во вторыхъ, вмѣсто того чтобы,

облегчать ихъ скорби, ты ихъ увеличиваешь; въ третьихъ, пріучаешь ихъ служить безсовѣстно, ненавидѣть всякую зависимость, проклинать цѣлый классъ людей счастливѣйшихъ. Наконецъ, такъ какъ справедливость требуетъ, чтобы каждый пользовался возможно-большею долею благополучія въ семъ мірѣ, то высшія состоянія должны заботиться о томъ, чтобы низшія не находили повода проклинать свое положеніе, но напротивъ, любили его, видя, что богатые не пренебрегаютъ ими, а всячески стараются облегчить ихъ участь.

Будь щедръ на пособія всякаго рода къ тѣмъ, кои въ нихъ нуждаются: — деньгами и покровительствомъ, если можешь; добрыми совѣтами, при удобномъ случаѣ; хорошимъ обхожденіемъ и примѣрами — всегда.

Въ особенности, когда увидишь истинное достоинство угнетеннымъ, старайся всѣми силами защитить его, или если это не въ твоей власти, по крайней мѣрѣ утѣшь его, и окажи ему уваженіе.

Стыдиться изъявлять почтеніе честному человѣку, гонимому судьбою, есть самое низкое малодушіе. Между тѣмъ оно такъ обыкновенно между людьми; тѣмъ болѣе опасайся его; оно заразительно.

Толпа всегда готова обвинить человѣка, котораго угнетаетъ несчастіе, всегда готова вѣрить, что враги его имѣютъ какую нибудь основательную причину его терзать и безчестить. Если же эти враги, чтобы оправдать себя, оклевещутъ, очернятъ свою жертву, то хотя бы ихъ клевета носила явный отпечатокъ лжи, люди ее принимаютъ, повто-

ряютъ ее съ жестокимъ равнодушіемъ, и рѣдко слушаютъ тѣхъ немногихъ, которые стараются ее опровергнуть. Подумаешь, что люди только тогда и счастливы, когда вѣрятъ злому.

Гнушайся этой несчастной наклонности нашей природы. Напротивъ, вездѣ, гдѣ только услышишь голосъ обвиненія, ищи обстоятельствъ, которыя могутъ послужить къ оправданію, а если и не найдешь—предполагай ихъ. Вѣрь злу тогда только, когда оно очевидно; но берегись: люди, коихъ сердце напитано злобою, часто выдаютъ за очевидное то, что совсѣмъ не очевидно. Хочешь-ли быть справедливымъ, будь безъ злобы: такъ называемая справедливость людей способныхъ къ злобѣ есть бѣшенство фарисеевъ.

Когда несчастіе постигло человѣка — будь онъ даже твой врагъ или врагъ

твоей земли, — противно благородству радоваться его горю и смотрѣть на него съ торжествомъ. Ты можешь судить о его ошибкахъ, если случай того требуетъ, но съ меньшею суровостію, чѣмъ во дни его благополучія, даже съ большимъ вниманіемъ, чтобы какъ нибудь не преувеличить ихъ, или незабыть о его хорошихъ качествахъ.

Всегда прекрасно сострадать къ участи несчастныхъ, даже виновныхъ. Конечно, законъ имѣетъ право ихъ преслѣдовать; но человѣкъ никогда не имѣетъ права радоваться ихъ терзанію, или изображать ихъ такими красками, которыя были бы чернѣе дѣйствительности.

Привычка сострадать къ людямъ сдѣлаетъ то, что ты будешь снисходителенъ къ самымъ неблагодарнымъ. Не говори съ презрѣніемъ, что всѣ люди

неблагодарны, и не уставай дѣлать добро. Во множествѣ неблагодарныхъ найдется и признательный человѣкъ, достойный твоихъ благодѣяній. Твои щедроты и не достигли бы его, если бы ты не раздавалъ ихъ многимъ. Благословенія одного такого человѣка уже вознаградятъ тебя за неблагодарность десяти другихъ.

Даже въ томъ случаѣ, когда ты не встрѣтишь ни одной признательной души, твое доброе сердце будетъ само себѣ наградою. Какое чувство можетъ сравниться съ тѣмъ, которое проистекаетъ изъ милосердія и изъ усилій къ облегченію чужихъ несчастій! Во сколько разъ оно сладостнѣе того чувства, которое мы ощущаемъ, сами получая помощь! Это отъ того, что здѣсь нѣтъ никакой заслуги, а тамъ добродѣтельный подвигъ.

Изъявляй особенное вниманіе всѣмъ тѣмъ, кто пользуется твоими благодѣяніями, и преимущественно лицамъ, которыя имѣютъ особенное право на уваженіе: женщинамъ честнымъ и застѣнчивымъ, всѣмъ едва лишь вступившимъ въ жестокую школу бѣдности; принужденнымъ скрывать свои слезы, только бы не произнести этого раздирающаго слова: *милостыни!*

Независимо отъ того, что ты будешь давать самъ, *такъ чтобы одна рука твоя не вѣдала, что творитъ другая,* какъ выражается Евангеліе, ищи союза съ другими добрыми сердцами, дабы увеличивать средства бѣдныхъ, учреждать вспомогательныя заведенія, и поддерживать тѣ, которыя существуютъ.

Вотъ еще другое выраженіе Религіи: *промышляюще добрая предъ всѣми чело-*

вѣки (Посл. Павла къ Римл. гл. XII, ст. 17).

Есть много прекрасныхъ дѣлъ, которыя не можетъ дѣлать одинъ человѣкъ, и которыя не могутъ дѣлаться втайнѣ. Люби благотворительныя общества, и если имѣешь къ тому средства, распространяй ихъ, оживляй, когда онѣ слабѣютъ, направляй когда онѣ отклоняются отъ цѣли. Не упадай духомъ, когда услышишь глупыя насмѣшки скупыхъ и праздныхъ людей, которыми они всегда осыпаютъ душу дѣятельную, трудящуюся для блага человѣчества.

—

ГЛАВА XXVII.

О УВАЖЕНІИ ЗНАНІЯ.

Если ты столь обремененъ службою и домашними заботами, что тебѣ некогда заниматься книгами, то не подражай глупому обыкновенію тѣхъ людей, которые прежде мало, а послѣ совсѣмъ не учились, и не отзывайся съ презрѣніемъ о всякомъ званіи, которое тебѣ неизвѣстно; не смѣйся надъ тѣми, которые высоко цѣнятъ образованный умъ,

и не поставляй общественнаго блага въ невѣжествѣ.

Презирай притворную ученость: она пагубна; но уважай истинное знаніе, которое всегда полезно. Уважай его и тогда, когда бы ты самъ не былъ въ состояніи пріобрѣсти его.

Старайся всячески развивать свои понятія и подвигаться впередъ, занимаясь ли одною отдѣльною наукою, или даже просто, читая всякаго рода хорошія книги. Это упражненіе весьма важно для человѣка хорошаго круга, не только потому, что оно доставляетъ ему неукоризненное наслажденіе и обогащаетъ его умъ свѣденіямъ, но потому что эта слава, пріобрѣтенная человѣкомъ образованнымъ и другомъ просвѣщенія, имѣетъ сильное вліяніе на другихъ, для поощренія ихъ къ добрымъ дѣламъ.

Зависть и такъ всегда готова унизить человѣка прямодушнаго, если она нашла какую нибудь причину или малѣйшій поводъ назвать его невѣждой, или поборникомъ невѣжества, то лучшія его дѣйствія будутъ приняты толпой съ досадою, отвергнуты, лишены вѣроятія.

Въ дѣлахъ Вѣры, отечества и чести нужны защитники сильные, одушевленные во первыхъ, добролюбивыми намѣреніями, а во вторыхъ, наукою и пріятнымъ обращеніемъ. Горе намъ, если злые будутъ имѣть право сказать честнымъ людямъ : «Вы ничего не знаете, и васъ не за что любить.»

Но для того, чтобы пріобрѣсть ту довѣренность, которую всегда даетъ наука, не показывай вида, будто обладаешь познаніями, которыхъ вовсе не имѣешь.

Обманы всѣхъ родовъ безчестны, а слѣдственно и тщеславіе, не пріобрѣтенное никакими знаніями. Сверхъ того и нѣтъ такого обманщика, который бы въ теченіи нѣкотораго времени не уронилъ своей личины, и тогда онъ погибшій человѣкъ.

Но при всемъ почтеніи, которое заслуживаетъ наука, намъ не должно дѣлать изъ нея кумира. Будемъ желать ее для насъ и для другихъ; но если мы увидимъ, что пріобрѣсти ее для насъ невозможно, то лучше смириться и являться между людьми въ нашемъ собственномъ видѣ, нежели стараться ввести ихъ въ обманъ. Обладаніе многими познаніями всегда полезно, но должно и то сказать, что для человѣка всего нужнѣе добродѣтель, а бываютъ случаи, что она уживается и съ невѣжествомъ.

И такъ, потому только, что ты много знаешь, ты не долженъ презирать невѣжду. Съ познаніями тоже, что и съ богатствомъ: ихъ можно желать для того, чтобы быть полезнѣе другимъ, но если, не имѣя ихъ, можно быть добрымъ гражданиномъ, то право на уваженіе тебѣ остаются тѣже самыя.

Разливайте свѣтъ мыслей на непросвѣщенный классъ народа. Но какихъ мыслей? Не тѣхъ, которыя дѣлаютъ людей надменными, пустыми говорунами, злыми. Это не тѣ преувеличенныя фразы, которыя такъ нравятся толпѣ въ пошлыхъ драматическихъ произведеніяхъ, или романахъ, гдѣ самые обыкновенные люди выставляются героями, а великіе злодѣями; гдѣ произвольными красками маранотъ картину общества, чтобъ сдѣлать его ненавистнымъ; гдѣ

добрымъ слугою представляется тотъ, который грубитъ своему господину; добродѣтельнымъ господиномъ тотъ, который женится на дочери своего слуги; гдѣ нѣтъ разбойника, который бы не былъ привлекателенъ, и все это для того, чтобы сдѣлать ненавистными тѣхъ, которые имъ не удивляются.

Просвѣщающія мысли, которыя нужно заботливо разливать между невѣждами низшаго класса, суть тѣ, которыя могутъ предохранить ихъ отъ заблужденій и предразсудковъ; тѣ, которыя бы, не обращая простолюдиновъ въ рабскихъ поклонниковъ такого человѣка, который знаетъ болѣе, или который можетъ болѣе ихъ, развивали бы въ нихъ благородное расположеніе къ уваженію къ высшимъ, добродушію и признательности; тѣ, которыя бы спасли ихъ отъ

буйныхъ и нелѣпыхъ анархическихъ идей о народномъ правленіи; которыя бы научили ихъ, какъ должно исполнять съ Христіанскимъ достоинствомъ скромныя, но честныя занятія, для коихъ они предназначены Судьбою; тѣ, которыя бы вразумили ихъ, что неравенство въ обществахъ неизбѣжно, и что развѣ одна добродѣтель сравняетъ насъ всѣхъ передъ Богомъ.

—

ГЛАВА XXVIII.

ЛЮБЕЗНОСТЬ.

Въ обращеніи съ людьми будь любезенъ. Эта обходительность, изъ принужденія скоро обратится въ привычку, и расположитъ твое сердце къ дѣйствительной любви. Кто беретъ на себя видъ строптивый, недовольный, надмѣнный, тотъ въ самомъ дѣлѣ невольно получаетъ расположеніе къ недоброжелательности. Невѣжливость бываетъ началомъ двухъ важныхъ золъ: она пор-

тить сердце того, кто ей даетъ волю. и сердитъ, или обижаетъ другихъ.

Но ты старайся быть любезнымъ не въ однихъ наружныхъ пріемахъ: пусть любезность проникаетъ всѣ твои соображенія, всѣ намѣренія, всѣ чувства.

Человѣкъ, который не заботится о томъ, чтобы защищать свою душу отъ ига грубыхъ мыслей, и который часто имъ потворствуетъ, тотъ часто и доходитъ отъ нихъ до самыхъ непохвальныхъ дѣйствій.

Иногда слышишь, какъ люди, вовсе не простаго званія, шутятъ грубымъ образомъ, или выражаются неприличными словами. Не подражай имъ! Не нужно, чтобы твой разговоръ былъ щеголеватъ или изысканъ, но старайся, чтобы онъ былъ и чуждъ грубой простонародности, всякихъ пошлыхъ возгласовъ, которыми люди дурно воспи-

танные обыкновенно пестрятъ свой слогъ, всякихъ грубыхъ шутокъ, которыми часто оскорбляются нравы.

Но этой утонченности языка надобно учиться съ самаго дѣтства. Кто не пріобрѣлъ ее до двадцати пяти лѣтъ, тому уже поздно пріобрѣтать ее. Не нужно, повторяю, щегольства и изысканности, но выраженія умѣренныя, благородныя, способныя вливать въ душу отраду, утѣшеніе, доброжелательность, любовь добродѣтели.

Учись также нравиться въ разговорѣ удачнымъ выборомъ словъ и точнымъ измѣненіемъ голоса. Тотъ, кто умѣетъ пріятно говорить, привлекаетъ своихъ слушателей, и потому, когда придетъ время возбуждать ихъ къ чему нибудь доброму или отклонять отъ чего нибудь злаго, онъ будетъ имѣть на нихъ

болѣе вліянія. Мы обязаны совершенствовать всѣ орудія, данныя намъ Богомъ для пользы ближнихъ, слѣдовательно и способъ выражать наши мысли.

Эта необыкновенная небрежность, съ которою говорятъ, читаютъ, кланяются, употребляютъ руки въ разговорѣ, происходитъ не столько отъ неспособности, сколько отъ предосудительной безпечности; никто не хочетъ подумать объ обязанности, которая лежитъ на насъ, безпрестанно себя совершенствовать, и о вниманіи, которымъ мы обязаны въ отношеніи ко всѣмъ насъ окружающимъ.

Но, поставляя себѣ въ обязанность быть любезнымъ, и никогда не забывая этой обязанности (ибо мы должны поступать всегда такъ, чтобы наше присутствіе вмѣсто тягости приносило всѣмъ удовольствіе и пользу), не слишкомъ

негодуй на людей дурно воспитанныхъ, Помни, что алмазы иногда бываютъ покрыты грязью; конечно лучше было бы, еслибы грязь ихъ не пятнала, но и въ этомъ униженномъ состояніи они все таки алмазы.

Одно изъ важныхъ свойствъ любезности состоитъ въ искусствѣ съ самоотверженіемъ переносить подобныхъ людей, а равно и безконечный рой всякихъ несносныхъ людей и сумасбродовъ. Когда тебѣ нельзя принести имъ никакой пользы, то позволительно избѣгать ихъ, но только не давая имъ чувствовать, что они тебѣ не нравятся. Это значило бы ихъ обидѣть и навлечь на себя ихъ непріязнь.

—

ГЛАВА XXIX.

БЛАГОДАРНОСТЬ.

Если мы обязаны соблюдать любезность и добросердечіе въ отношеніи ко всѣмъ людямъ, то ужь и подавно къ тѣмъ высокимъ душамъ, которыя показывали намъ опыты своей любви, соучастія и снисхожденія.

Никому, начиная отъ нашихъ родителей, до всѣхъ тѣхъ, которые великодушно помогали намъ своими дѣлами или совѣтами, не должно давать права

сказать, что мы худо помнимъ благодѣянія.

Въ отношеніи къ прочимъ людямъ намъ можно иногда позволять себѣ нѣкоторую строгость въ сужденіяхъ, и не расточать предъ ними нашей любезности, — тутъ еще не будетъ преступленія; но къ тому, кто радѣлъ о нашей пользѣ, намъ не простительно быть невнимательными, и не безпрестанно остерегаться, чтобы чѣмъ нибудь не обидѣть, чѣмъ нибудь не огорчить его, не повредить его доброму имени, или не быть готовымъ всегда защитить его и утѣшить.

Многіе, замѣчая, что ихъ благодѣтели придаютъ, или стараются придать слишкомъ большую важнасть своимъ благодѣяніямъ, въ досадѣ на ихъ нескромность, считаютъ вправѣ освободить себя отъ признательности къ нимъ. Мно-

гіе, столь низкіе, что стыдятся сдѣланныхъ имъ благодѣяній, изобрѣтаютъ разные предлоги, напр. будто самъ благодѣтель сдѣлалъ имъ добро изъ личныхъ выгодъ, столь же недостойныхъ, и думаютъ тѣмъ оправдать свою неблагодарность. Многіе, едва найдутъ способъ, сами спѣшатъ расплатиться за благодѣяніе, чтобы скорѣе сбросить съ себя бремя признательности: послѣ этого имъ кажется, что можно безъ грѣха забыть всѣ обязанности, которыя возложили на нихъ благодарность.

Чего ни выдумываютъ для того, чтобы оправдать неблагодарность — все напрасно. Неблагодарный есть человѣкъ низкій, и тотъ, кто не хочетъ впасть въ эту низость, долженъ быть расточительнымъ на признательность: нѣтъ границъ для сего чувства.

Если благодѣтель и гордится тѣмъ, что онъ для тебя сдѣлалъ; если онъ и не сохраняетъ во всѣхъ отношеніяхъ къ тебѣ той строгой внимательности, которую ты желалъ бы въ немъ видѣть; если и кажется тебѣ, что не одно чистое великодушіе побуждало его приносить тебѣ пользу, то все не тебѣ осуждать его. Набрось завѣсу на то, что въ немъ дѣйствительно нехорошо, или такимъ кажется, и помни лишь одно добро, которое ты получилъ отъ него. Помни его даже тогда, когда бы ты отплатилъ твоему благодѣтелю, и отплатилъ сторицею.

Можно иногда быть признательнымъ, и не высказывать всѣмъ полученнаго благодѣянія; но когда совѣсть скажетъ тебѣ, что нужно открыться, отбрось всякій ложный стыдъ: признай себя откровенно должникомъ дружеской руки, которая по-

могла тебѣ. Благодарить безъ свидѣтелей иногда тоже самое, что и вовсе не благодарить, сказалъ моралистъ Бланшаръ.

Только тотъ добръ, кто умѣетъ благодарить за добро, какъ бы оно ни было мало. Признательность есть душа религіи, сыновней любви къ тѣмъ, которые насъ любятъ, любви къ человѣческому обществу, которому мы одолжены столь высокимъ совершенствомъ и столь многими наслажденіями въ жизни.

Воспитывая въ себѣ признательность ко всему доброму какъ отъ Бога такъ и отъ людей, мы будемъ съ большею силою и терпѣніемъ переносить горести жизни, будемъ снисходительнѣе и готовѣе на помощь нашихъ ближнихъ.

—

ГЛАВА XXX.

СМИРЕНІЕ. — КРОТОСТЬ. — ЗАБВЕНІЕ ОБИДЪ.

Высокомѣріе и гнѣвъ не согласны съ любезностію, и тотъ не можетъ быть истинно любезенъ, кто не привыкъ къ смиренію и кротости. «Ни одно чув-«ство, говоритъ Манцони, не истребляетъ «въ насъ скорѣе обиднаго презрѣнія къ «другимъ, какъ чувство смиренія. Пре-«зрѣніе рождается отъ сравненія себя «съ другими, и отъ предпочтенія, ко-«торое мы при этомъ отдаемъ себѣ са-

«мимъ: какъ же такое чувство можетъ «укорениться въ сердцѣ, пріученномъ «вникать только въ собственные недо«статки, жалѣть объ нихъ, приписы«вать Богу всѣ свои заслуги, и при«знавать, что еслибы Господь его не «удерживалъ, то онъ, можетъ быть, «увлекся бы всякимъ зломъ?» (См. превосходное сочиненіе: *О нравственности Католической Вѣры*).

Воздерживайся какъ можно чаще отъ всякаго порыва негодованія — или ты сдѣлаешься крутымъ и заносчивымъ. Хотя справедливое негодованіе бываетъ иногда извинительно, но подобные случаи рѣдки. А кто признаетъ его всегда позволительнымъ, тотъ скрываетъ только природную злобу подъ личиною горячаго рвенія къ добру.

Этотъ порокъ очень обыкновененъ

между людьми. Изъ двадцати человѣкъ, взятыхъ на удачу, ты найдешь вѣрно девятнадцать, которые будутъ съ жаромъ говорить тебѣ о своемъ мнимо-благородномъ негодованіи противъ того или другаго. Всѣ они пылаютъ гнѣвомъ противъ неправды, какъ будто они одни въ мірѣ праведны. Край, гдѣ они обитаютъ бываетъ всегда худшимъ на земномъ шарѣ; вѣкъ, въ которомъ они живутъ — всегда самый жалкій; учрежденія, не ими писанныя, никуда не годятся; если кто заговорилъ при нихъ о Религіи и нравственности, тотъ ханжа; если богачь не расточаетъ золота, то въ ихъ глазахъ онъ скупецъ; если бѣдный страждетъ и проситъ помощи, то онъ вѣрно расточитель; то лице, которому имъ случится оказать услугу, всегда платитъ имъ неблагодарностію.

Словомъ, они считаютъ наслажденіемъ злословить всѣхъ членовъ общества, исключая, какъ бы изъ особенной милости, немногихъ своихъ друзей.

Но всего болѣе достойно сожалѣнія, что сей гнѣвъ, обращаемый то на отсутствующихъ, то на присутствующихъ, обыкновенно нравится всѣмъ тѣмъ, на которыхъ онъ не падаетъ непосредственно. Человѣку злобному и ѣдкому охотно приписываютъ высокія качества, увѣряя, что еслибы онъ управлялъ дѣлами міра, то явился бы истиннымъ героемъ. Напротивъ того, на человѣка кроткаго обыкновенно взираютъ съ жалостію, даже съ презрѣніемъ, какъ на глупца или безсильнаго.

Такія добродѣтели, каковы смиреніе и кротость, не приносятъ славы, но дорожи ими, ибо онѣ стоятъ болѣе самой

славы. Безпрестанные порывы гнѣва и гордости доказываютъ только совершенное отсутсвіе истиннаго великодушія и способности любить, обличаютъ постоянное желаніе казаться лучше другихъ.

Рѣшись быть смиреннымъ и кроткимъ, однако умѣй показывать, что эта рѣшимость происходитъ не отъ слабоумія, или малодушія. — Но какимъ же образомъ? Ужели тѣмъ, что будешь выходить изъ терпѣнія, и самъ начнешь огрызаться противъ злыхъ людей? что будешь бранить словесно и письменно тѣхъ, которые о тебѣ говорятъ или печатаютъ клевету? — Нѣтъ, Оставь ихъ безъ отвѣта, и кромѣ особенныхъ случаевъ, которыхъ опредѣлить невозможно, переноси хладнокровно нападки злаго человѣка, не грози ему, не оскорбляй его. Кротость всегда похвальна, когда

она не происходитъ отъ недостатка чувствительности и составляетъ истинную добродѣтель. Она гораздо лучше усмиритъ гордость врага, нежели все пылкое краснорѣчіе гнѣва и презрѣнія.

Между тѣмъ докажи, что твоя кротость не малодушіе и не глупость, и для того сохраняй передъ врагами все твое нравственное достоинство, не одобряй ихъ поступковъ, не старайся ничѣмъ купить ихъ одобренія, не жертвуй Религіею и честію, изъ опасенія навлечь на себя ихъ порицанія.

Свыкайся съ мыслію, что имѣешь непріятелей, но не смущайся ею. Всякій имѣетъ ихъ болѣе и менѣе, какъ бы онъ ни былъ благодѣтеленъ и кротокъ. Есть жалкія созданія, столь завистливыя отъ природы, что не могутъ быть спокойны, если не разсыпаютъ клеветы или

грубыхъ насмѣшекъ; противъ всего что пользуется нѣкоторою славою.

Имѣй довольно силы духа, чтобы быть кроткимъ и прощать отъ всей души тѣмъ несчастнымъ, которые тебѣ вредятъ или стараются вредить.» Прощай не семь кратъ, говоритъ Спаситель, но семьдесятъ седьмерицею» — то есть безъ числа.

Поединокъ и всякое кровомщеніе есть преступное безуміе. Злопамятство — смѣсь гордости и низости. Противъ нанесенную намъ обиду, мы можемъ пріобрѣсть въ непріятелѣ друга; человѣка порочнаго обратить къ чувствамъ добрымъ и благороднымъ. Какое прекрасное, умилительное торжество! Какъ оно превосходитъ величіемъ кровавое торжество мести!

Если бы даже человѣкъ, обидѣвшій

тебя и прощенный тобою остался непримиримымъ твоимъ врагомъ, жилъ и умеръ, не переставая чернить тебя, — что̀ потерялъ ты своимъ добрымъ поступкомъ? Не вкушаешь-ли напротивъ сладчайшую отраду отъ своего великодушія?

—

ГЛАВА XXXI.

МУЖЕСТВО.

Мужество! необходимо мужество! безъ этого условія нѣтъ добродѣтели. Мужества-ли не нужно для того, чтобы побѣдить эгоизмъ и сдѣлаться благотворительнымъ; чтобы побѣдить лѣность и упорствовать во всякомъ усиліи; чтобы защищать отечество и при всякомъ случаѣ спасать ближняго; чтобы устоять противъ дурныхъ примѣровъ и несправедливаго посмѣянія; чтобы пере-

носить и болѣзни, и горести, и безпокойство безъ малодушнаго ропота; чтобы стремиться всегда къ совершенству, котораго въ сей жизни невозможно достигнуть, но къ которому, если не будемъ стремиться по высокому указанію Евангелія, то потеряемъ всякое нравственное достоинство.

Сколь бы ни были тебѣ дороги: твое имущество, честь, жизнь, — будь всегда готовъ жертвовать ими своему долгу, если онъ требуетъ этой жертвы. Должно рѣшиться на такое самоотверженіе: лучше отказаться отъ всѣхъ благъ земли, нежели сохранить ихъ несправедливостію, или, — въ противномъ случаѣ, человѣкъ не только не будетъ героемъ, но можетъ сдѣлаться чудовищемъ! Nemo enim justus esse potest, qui mortem, qui dolorem, qui exilium, qui egestatem timet,

aut qui ea, quæ his sunt contraria, æquitati anteponit (Cic. de Off. I. II. c. 9). «Ибо тотъ, говоритъ Цицеронъ, не мо-«жетъ быть справедливымъ, кто боится «смерти, мученій, изгнанія и бѣдности, «или противуположныя симъ бѣдствіямъ «блага предпочтетъ справедливости».

Многіе считаютъ слишкомъ жестокимъ и неудобоисполнимымъ требованіемъ оторвать сердце отъ всѣхъ благъ мирскихъ. Но нѣтъ сомнѣнія, что мы не будемъ умѣть ни жить, ни умереть съ достоинствомъ, если не будемъ взирать на сіи блага съ нѣкоторымъ равнодушіемъ.

Мужество должно возвышать душу и усиливать въ ней стремленіе ко всякой добродѣтели, но берегись, чтобы оно не переродилось въ самонадѣянность и суровость.

Тѣ, которые убѣждены, или притворяются, будто убѣждены, что мужества

нельзя согласить съ кроткими чувствами; которые привыкли грозить и хвастовствомъ напоминать сказочнаго Родомонта; которые жаждутъ только ссоръ, безпорядковъ и крови, тѣ употребляютъ во зло силу воли и мышицъ, данную имъ отъ Бога, на пользу и для примѣра ближнихъ. Обыкновенно случается, что эти люди въ большихъ опасностяхъ менѣе всѣхъ оказываютъ мужества: чтобы спасти себя, они готовы предать отца и брата. Кто прежде всѣхъ въ войскѣ начинаетъ бѣжать? — Тѣ самые храбрецы, которые прежде шутили надъ блѣдностію товарищей и нагло ругались надъ непріятелемъ.

—

ГЛАВА XXXII.

ВЫСОКОЕ ПОНЯТІЕ О ЖИЗНИ И ТВЕРДОСТЬ ДУХА ПРИ КОНЧИНѢ.

Многія книги излагаютъ обширнѣе и привлекательнѣе меня нравственныя обязанности человѣка: моя цѣль, юный мой читатель, была составить для тебя ручную книжку, которая бы напоминала вкратцѣ сіи обязанности.

Теперь прибавлю въ заключеніе: не пугайся ихъ тягости; она кажется несносною одному безпечному. Имѣй толь-

ко добрую волю, и ты откроешь въ каждой изъ твоихъ обязанностей какую-то таинственную прелесть, которая заставитъ тебя любить ее; ты почувствуешь, что какая-то невѣдомая власть умножитъ твои силы, по мѣрѣ того, какъ ты будешь восходить по трудной стезѣ добродѣтели; ты убѣдишься, что человѣкъ по природѣ своей благороднѣе, нежели кажется, коль скоро захочетъ, и захочетъ сильно, достигнуть своего высшаго предназначенія, которое состоитъ въ томъ, чтобы бороться съ низкими наклонностями, поддерживать, укрѣплять благородныя стремленія, и возвыситься наконецъ до того, чтобы Господь обиталъ въ немъ во вѣкъ.

Люби жизнь, но не для земныхъ ея наслажденій и мирскаго тщеславія. Лю-

би ее ради того, что въ ней заключается важнаго, высокаго, божественнаго! Люби ее, потому что она есть поприще добродѣтели, что она драгоцѣнна Создателю, служитъ къ его прославленію, и есть даръ для насъ самихъ честный и полезный! Люби ее, не смотря на ея горести, даже ради сихъ самыхъ горестей, ибо онѣ-то именно ее облагороживаютъ, зарождая, питая и оплодотворяя въ умѣ человѣка благородные помыслы и благія намѣренія.

Помни притомъ, что эта жизнь, которую ты долженъ такъ высоко цѣнить, дана тебѣ на краткое время. Не трать ее въ пустыхъ забавахъ. Посвящай веселію не болѣе минутъ, какъ сколько нужно для твоего здоровья и удовольствія другихъ. А еще лучше, полагай

все твое веселіе въ исполненіи твоихъ обязанностей; служи ближнимъ твоимъ съ братскимъ самоотверженіемъ, служи Богу съ сыновнею любовью и покорностью.

Наконецъ, любя жизнь такимъ образомъ, помышляй о смерти, которая тебя ожидаетъ: Стараться отгонять отъ себя мысль о неизбѣжности кончины есть слабость вредная, ибо она уменьшаетъ усердіе къ добру. Не ускоряй самъ виною твоею сего торжественнаго мгновенія, но также не думай малодушно удалить его. Подвергай, если нужно, жизнь твою опасности для спасенія ближняго, и особенно для защиты отечества. Какой бы родъ смерти не ожидалъ тебя, спѣши ей на встрѣчу съ благородною твердостію, и освяти ее чувствомъ чистой и пламенной Вѣры.

Исполняя все это, ты будешь человѣкомъ и гражданиномъ въ самомъ высокомъ значеніи; будешь полезнымъ обществу и содѣлаешь себя счастливымъ.

КОНЕЦЪ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

—

		Стр.
Глава I.	Важность и польза обязанностей	7
II.	Любовь къ истинѣ.	11
III.	Религія.	18
IV.	Свидѣтельства	23
V.	Нѣкоторые совѣты.	29
VI	Человѣколюбіе или милосердіе .	34
VII.	Уваженіе къ достоинству человѣка	41
VIII.	Любовь къ отечеству	49
IX.	Истинный патріотъ	57
X.	Сыновняя любовь	60
XI.	Уваженіе къ старымъ людямъ и предкамъ.	68
XII.	Братская любовь	76
XIII.	Дружба	81
XIV.	Ученье.	89
XV.	Избраніе поприща	97
XVI.	О спокойствіи духа	101

Глава XVII. Раскаяніе и исправленіе. . . 107
XVIII. Холостая жизнь. 113
XIX. Уваженіе къ женщинамъ . . 121
XX. Достоинство любви 128
XXI. Порочная любовь 133
XXII. Объ уваженіи къ дѣвицамъ и замужнимъ женщинамъ. . . 139
XXIII. Супружество 146
XXIV. Отеческая любовь. — Любовь къ дѣтямъ и юношеству . . 155
XXV. О богатствѣ 161
XXVI. Уваженіе къ несчастію. — Благотворительность. 170
XXVII. О уваженіи знанія 180
XXVIII. Любезность 187
XXIX. Благодарность 192
XXX. Смиреніе. — Кротость. — Забвеніе обидъ. 197
XXXI. Мужество . . . . . , 205
XXXII. Высокое понятіе о жизни и твердости духа при кончинѣ. . . 209

—

LBO 14

Sermon

BT 1674

Deacidified using the Bookkeeper process.
Neutralizing agent: Magnesium Oxide
Treatment Date: Dec 2004

PreservationTechnologies
A WORLD LEADER IN PAPER PRESERVATION
111 Thomson Park Drive
Cranberry Township, PA 16066
(724) 779-2111

LIBRARY OF CONGRESS
0 013 610 500 0